

Секция 10. Психология гендерных ролей в семье

Способна ли консервативная гендерная идеология улучшить практики межличностных отношений в современной семье?

Воронцов Д.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Аннотация. Приписывание консервативной гендерной идеологии способности оптимизировать и улучшить качество современных семейных практик вызывает сомнения. Полученные эмпирические данные на основе опроса 239 респондентов 17-34 лет показывают, что для улучшения семейных отношений среди юношей целесообразно активно пропагандировать идеологию гендерного равенства, тогда как среди девушек необходимо проводить работу по снижению их зависимости от консервативных гендерных убеждений.

Ключевые слова: гендерная идеология, гендерные отношения, современная семья, социальные риски семьи

В последнее время консерватизм стал основополагающей концепцией государственной политики в сфере семейных отношений. Риторика возрождения «традиционного» (но более правильно с научной точки зрения – консервативного) социального порядка апеллирует к оздоровлению и улучшению практик семейной жизни на основе возврата к «естественным» образцам поведения, прав и обязанностей, которые регулируют отношения между супругами, родителями и детьми и воздействуют со стороны общества на семейные отношения. Происходит идеализация консервативной модели семейных и гендерных отношений и сведение всего многообразия функций, выполняемых семьей в современном обществе, преимущественно к репродукции. При этом упускается из виду, что «естественность» образцов поведения фактически является

социально сконструированной и исторически преходящей, соответствующей состоянию общества в определенную историческую эпоху. В разные времена, в разных обществах и в разных социальных группах в качестве «естественных» полагались нередко совершенно различные модели семейных отношений. По сути дела в основе идеологемы следования «традиции» как способа «улучшения» якобы подвергнутым «коррозии» современных практик семейных отношений лежит социальное мифотворчество, которое выступает ресурсом осмысления повседневной жизни через конструирование «золотого века» в прошлом и выстраивания перспектив на «светлое» будущее. Социальные мифы формируют для индивидов словарь символов, нормативных образцов, объяснений, образцов гендерных ролей и руководства к действию, систему оправданий и причинных зависимостей и т.д. Они образуют рамки и перспективы, которые служат основой для выстраивания индивидами собственных смыслов, убеждений и практик отношений. Идеология как раз и выступает разновидностью социальной мифологии, поскольку эта форма мировоззрения основывается на не поддающихся доказательному эмпирическому обоснованию интерпретациях социальных отношений, представлений о справедливости, исторических перспектив.

В рамках консервативной идеологии проблемы семейных отношений понимаются как результат «морального» или «духовно-нравственного» упадка общества, «отсутствия духовно-нравственного стержня» у большинства (молодых, но не только молодых) людей, или более концептуально – как результат влияния либеральной идеологии в целом, развратившей нравы людей (Кристал И., 2004). В первую очередь, упадок связывается с изменением содержания гендерной идеологии как системы идей, посредством которых объясняются, оцениваются и получают социальное оправдание гендерные различия, содержание социальных ролей и предпочтительные (нормативные) личностные качества мужчин и женщин, а также гендерная стратификация. В современном обществе существует два вида гендерной идеологии: консервативная (патриархатная, основанная на иерархии, доминирующей социальной роли нормативных мужчин и гендерном неравенстве) и эгалитарная (основанная на идее гендерного равенства). Любая идеология, и гендерная – не исключение, связана с выражением групповых интересов, обеспечением солидарности группы и обоснованием ее

социальных ожиданий. Поэтому социальная реальность интерпретируется идеологией только в интересах группы, которую она обслуживает. Отсюда вытекает возможность манипулирования сознанием людей с помощью идеологии. С помощью манипуляций, касающихся интерпретаций и подбора социальных фактов, гендерная идеология ослабляет напряженность в межличностных отношениях мужчин и женщин, связанную с диспаритетом в удовлетворении интересов, мешает людям рационально осознавать противоречие между декларируемыми ценностями и реальными характеристиками отношений, между их реальными интересами и интересами другой группы, которую обслуживает эта идеология. Гендерная идеология задает нормативные образцы маскулинности и фемининности, с которыми личность соотносит практики внутрисемейных отношений. А эти отношения, в свою очередь, формируют субъектов с определенными личностными характеристиками.

Современная российская семья обладает двойственными характеристиками, что не позволяет назвать ее однозначно консервативной или эгалитарной (Муравьева М., 2014). С одной стороны, российская семья в качестве социального института предполагает союз свободных и равных партнеров разного пола. В брачно-семейном праве запрещается дискриминация по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 1.4). Однако с другой стороны, как отмечает М. Муравьева, в законе четко не сформулирован запрет на дискриминацию по гендерному признаку, нет указания на обязательность гендерного равенства и предусмотрена возможность ограничения брачно-семейных прав и свобод граждан в целях т.н. «защиты нравственности», которая не имеет юридически точного определения. Подобного рода ограничение связывается с пониманием семьи с точки зрения камерализма, свойственного эпохе Просвещения: семья как источник роста населения, инструмент экономического роста и благосостояния государства. Камерализм основывается на строгой гендерной иерархии и неравенстве вокруг фигуры «главы» семьи. Но в то же время российская семья имеет длительный социальный опыт индивидуализации членов и функционирования на основе принципов эгалитарного партнерства, установленных в советский период. Как показывают кросс-культурные социологические исследования, на европейском фоне Россия является относительно

традиционной (консервативной) страной, но степень консервативности взглядов неодинакова для различных норм, регулирующих сферу гендерных и семейных отношений (Фабрикант М., Магун В., 2014). Система ценностных ориентаций россиян (особенно молодых) на статус и роли женщин в системе семейных отношений значительно отличаются от консервативных. Наибольшая консервативность взглядов проявляется применительно: 1) к нормам детности (необходимость детей – как для женщины, так и для мужчины), 2) признанию необходимости брака или постоянных отношений и 3) асимметричности гендерных ролей по параметру «дом-работа» (проявляется в утверждении приоритетности семейной роли женщин и убежденности в том, что большинство женщин на самом деле хотят иметь, прежде всего, дом и детей). На сходную противоречивую реальность представлений россиян о современной семье указывает и социолог НИУ ВШЭ Ж. Чернова (2014). Эта исследовательница отмечает, что в представлениях россиян об идеальной семье четко видна попытка сочетания двух противоречащих друг другу гендерных идеологий и моделей семьи. С одной стороны, это модель «сильного мужчины-кормильца», предполагающая разность и взаимодополнительность гендерных ролей. Эта модель, основанная на консервативной гендерной идеологии, постулирующей отношения неравенства и зависимости женщины. С другой стороны, это модель «слабого мужчины-кормильца», которая отражает идею равного разделения труда между мужчинами и женщинами не только в сфере занятости, но и в частной сфере, домашней работе и родителстве. Ж. Чернова также обращает внимание на разрыв между нормативными представлениями и реальными семейными практиками, который проявляется в противоречии между запросом на равное участие обоих партнеров в организации семейного быта и традиционными практиками гендерного разделения ролей. Исследовательница обращает внимание на весьма примечательное обстоятельство, сложившееся в условиях всплеска консервативной идеологии в России: эмансипация затронула преимущественно российских женщин, расширив для них репертуар возможных ролей и жизненного выбора, в то время как маскулинность осталась практически без изменений.

Важным обстоятельством выступает и то, что в официальной риторике идеология консервативной модели семьи не имеет позитивного содержания. Она определяется

преимущественно негативно через противопоставление «англосаксонской» или, говоря шире, «западной» цивилизации, в которой преобладают ценности гендерного равенства и широко понимаемых прав человека.

Описанные условия создают для семьи различные социальные риски, обуславливающие негативные последствия для ее полноценного функционирования, которые связаны с формированием конфликтного и противоречивого типа личности молодых людей в качестве партнеров семейных отношений. В данном случае под социальным риском понимается широкий спектр характеристик социальной среды, мешающих позитивному развитию явления (Воронцов Д.Б., Воронцова А.В., 2014). Для определения возможных социально-психологических рисков можно проанализировать данные о связи характеристик системы отношений личности с содержанием индивидуальной гендерной идеологии респондентов, полученные на выборке молодежи возраста поздней юности в количестве 239 человек – 126 юношей (52,7%) и 113 девушек (47,3%) в возрастном диапазоне 17–34 года (ср. возраст 20 лет, St. Err. = 0,12, St.Dev. = 1,8).

В качестве индикаторов проявления гендерной идеологии в системе отношений личности в брачно-семейной сфере выступили: 1) аттитюды в сфере сексуальности (уровень принятия доминирования и проявлений насилия, отношение к случайному сексу с одноразовыми партнерами, степень принятия концепта тесной связи секса и любви) и 2) социально-психологические характеристики личности, связанные с психологическим функционированием индивида в семье (удовлетворенность отношениями, нарциссизм, эмоциональная дистанция, эмоциональная привязанность, вовлеченность в отношения, эмоциональный накал отношений, общительность, энергичность, оценка степени собственной привлекательности). Данные были получены опросным методом с использованием следующей батареи опросников:

1. «Большая пятерка» – Пятифакторный опросник личности в модификации Л. Гольдберг.

2. Опросник К. Бартоломью и Л. Горовица для измерения стиля эмоциональной привязанности в межличностных отношениях.

3. Опросник по измерению качества отношений Г. Флетчер, Дж. Симпсон и Дж. Тома.

4. Шкала полоролевой идеологии Р. Калина и П. Тилби.

5. Опросник Ф. Пратто по измерению ориентации на социальное доминирование.

Анализ данных и оценка достоверности выводов осуществлялись с помощью проверки однородности распределения показателей по t-критерию для одной переменной, оценки правдивости ответов по критерию серийности Z, определения связей по критерию Хи-квадрат и коэффициенту линейной корреляции Пирсона.

В представлениях, отражающих индивидуальную гендерную идеологию респондентов, обнаружено эклектичное соединение консервативных и эгалитарных элементов. У всех респондентов независимо от пола отмечается высокий уровень принятия как идеи целесообразности мужского доминирования, свойственного консервативному полюсу, так и идеи гендерного равенства (Рис. 1).

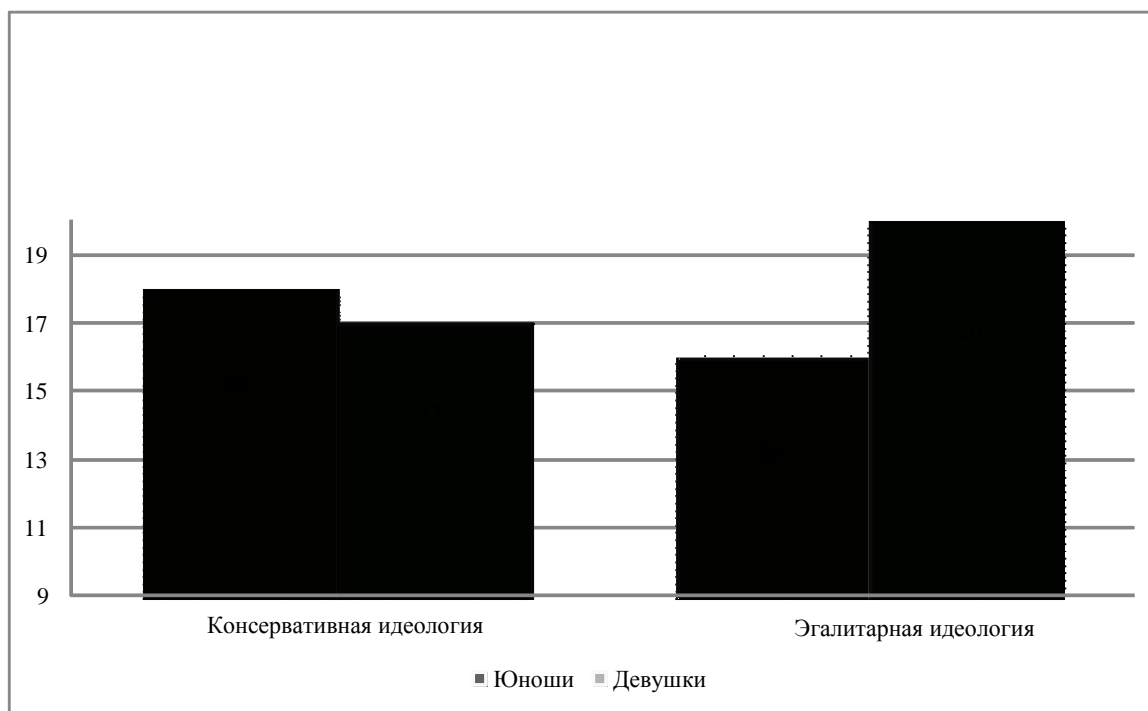

Рисунок 1. Выраженность консервативного и эгалитарного полюсов гендерной идеологии у респондентов (в баллах)

Квартилирование собранных по опроснику гендерной идеологии данных обнаружило, что у респондентов отсутствует явно выраженное неприятие утверждений, характерных для противоположных полюсов: они в равной степени соглашались с прямо противоположными утверждениями. Однако юноши при меньшем разбросе взглядов демонстрируют тяготение к консервативному полюсу гендерных убеждений (Хи-квадрат для консервативной идеологии составляет 51,3, $df=16$ при критическом значении 34,27, $Asymp. Sig = 0,000$; Хи-квадрат для эгалитарной идеологии составляет 40,3, $df=18$ при критическом значении 37,15, $Asymp. Sig = 0,002$). Тогда как девушки при таком же высоком уровне принятия консервативного полюса гендерных взглядов имеют больший диапазон разброса предпочтений и тяготеют к эгалитарному (Хи-квадрат для консервативной идеологии составляет 87,1, $df=16$ при критическом значении 38,58, $Asymp. Sig = 0,000$; Хи-квадрат для эгалитарной идеологии составляет 58,0, $df=17$ при критическом значении 35,72, $Asymp. Sig = 0,002$).

Противоречивая на индивидуальном уровне гендерная идеология служит отражением той ситуации, когда доминирующая в публичной сфере консервативная идеология, активно транслируемая государственными институтами, противоречит повседневным практикам гендерных отношений и социальным ожиданиям людей в сфере межличностных отношений. При этом наиболее выражена противоречивость системы представлений у женщин. Корреляционный анализ предпочтений определенной идеологии и уровня эмоционального благополучия показывает, что для женщин характерна следующая тенденция: чем выше уровень принятия респондентками эгалитарной гендерной идеологии, тем в большей степени у них выражен эмоциональный дискомфорт, связанный с неудовлетворенностью собой, своим положением в системе отношений и недоверием к окружающим ($r=0,199$, $p=0.05$). Другими словами, эгалитарная гендерная идеология вызывает у девушек внутренний конфликт и эмоциональный дисбаланс в условиях доминирования в публичном пространстве консервативной идеологии. В целом по выборке эгалитарная гендерная идеология коррелирует с меньшей склонностью респондентов к принятию идей социального доминирования ($r=-0,140$, $p=0.05$).

Консервативная гендерная идеология у юношей сочетается со значимо невыраженным отношением к девушкам как равноправным партнерам по социальному взаимодействию (Kolmogorov-Smirnov $Z = 2,875$ при Asymp. Sig =0,000), что контрастирует с гендерными убеждениями и, соответственно, ожиданиями самих девушек. Подобная идеология имплицитно содержит вероятность конфликта интересов в рамках семейной жизни, причины которого кроются отнюдь не в пресловутых «сущностных» различиях мужчин и женщин, а как раз в несовпадении ценностных ориентаций и заведомо дискриминационном отношении, позволяющем выстраивать идеологически интерпретированное неравенство статусов семейных партнеров.

В группе юношей было обнаружено большое число корреляций между личностными чертами и эгалитарной гендерной идеологией. С эгалитарными взглядами на гендерные отношения у юношей оказались связаны такие важные для семейных отношений черты, как снисходительность и умение прощать ($r=0,207$, $p=0,05$), доверие партнеру ($r=0,218$, $p=0,05$), меньшая напористость ($r=-0,176$, $p=0,05$) и меньше стремление диктовать свои условия в совместном решении задач ($r=-0,225$, $p=0,01$) – оба эти качества сочетаются с большей автономностью и свободой в отношениях с партнером ($r=0,173$, $p=0,05$), а также невозмутимостью и миролюбием ($r=0,222$, $p=0,01$). В то же самое время консервативная гендерная идеология у юношей отрицательно коррелирует с невозмутимостью и миролюбием ($r=-0,197$, $p=0,05$). И эта связь (в сочетании с общей для выборки тенденцией к доминированию юношей по отношению к девушкам) представляет опасность выстраивания диспаритетных, конфликтных семейных отношений.

В группе девушек были обнаружены сбалансированные связи личностных характеристик между консервативной и эгалитарной гендерной идеологией. С эгалитарной гендерной идеологией оказались связаны отдельные черты, отражающие: а) склонность к предпочтительному учету во взаимодействии с другими людьми собственных интересов ($r=-0,192$, $p=0,05$), б) меньшую болтливость ($r=-0,160$, $p=0,05$) и в) повышенную критичность к результативности своих действий ($r=0,193$, $p=0,05$). Тогда как у консервативной гендерной идеологии обнаружены связи с напористостью девушек в отношениях ($r=0,244$, $p=0,01$) и избыточным перфекционизмом, который проявляется в

стремлении делать работу как можно более добросовестно и основательно ($r=0,361$, $p=0,01$), чтобы избежать негативных оценок со стороны ближайшего окружения.

С различиями в уровнях выраженности консервативного и эгалитарного полюсов гендерной идеологии у юношей и девушек можно сопоставить ряд социально-психологических характеристик, проявляемых в гендерных и сексуальных отношениях респондентов. У юношей отмечается низкий уровень привязанности в сексуальных отношениях, их характеризует эмоциональная отстраненность, самодостаточность, дискомфорт в случае проявления эмоциональной привязанности со стороны партнерши, предпочтение свободных отношений. Эта характеристика сочетается с высоким уровнем принятия (7 баллов из 9) утверждения о том, что секс без любви является вполне нормальным явлением, ориентированным на получение простого плотского удовольствия, умеренными оценками (5 из 9 баллов) уровня душевного комфорта в случайных половых связях с разными партнерами и необходимости иметь эмоциональную близость с половым партнером (из опросника социосексуальных установок). Юноши больше ориентируются на внутренний локус контроля в сексуальных отношениях, предпочитая позицию активного субъекта, который самостоятельно принимает решения, проявляет инициативу и управляет действиями партнерши для достижения собственных целей. По опроснику Большая пятерка личностных факторов у респондентов-юношей отмечается высокий уровень принятия других (но, судя по данным других опросников, ограниченный рамками идеологических совпадений во взглядах) и открытости новому опыту (идеям, интересам). Средний уровень выраженности нарциссизма (16 баллов при макс. = 40), что отвечает нормальному уровню любви к себе.

У девушек, напротив, такому параметру сексуальных отношений, как эмоциональная привязанность отмечается средний уровень выраженности (4 балла по 7-балльной шкале Лайкерта), тогда как по удовлетворенности, вовлеченности, близости, страсти и влюбленности – высокий уровень (6 баллов по 7-балльной шкале Лайкерта). Эти особенности сексуальных отношений у девушек сочетаются с умеренным принятием (4,5 балла из 9) утверждения о том, что секс без любви является вполне нормальным явлением, ориентированным на получение простого плотского

удовольствия, низким уровнем ощущения душевного комфорта и удовольствия от секса со случайными разнообразными половыми партнерами (3 балла из 9) и высокой потребности иметь эмоциональную близость с половым партнером (7,5 баллов из 9). Девушки также ориентируются на внутренний локус контроля в сексуальных отношениях, предпочитая позицию активного субъекта, который самостоятельно принимает решения, проявляет инициативу и управляет действиями партнера для достижения собственных целей. Однако эту ориентированность на внутренний локус девушкам необходимо согласовывать с большей патриархатностью взглядов юношей, что находит отражение в противоречивом сочетании феминистских взглядов с эмоциональным дискомфортом от социального окружения ($r=-0,199$, $p=0.05$). Кроме того, этот вывод подтверждается обнаруженными значимыми отрицательными корреляциями между усилением внутреннего локуса контроля в сексуальных отношениях и степенью удовлетворенности текущими сексуальными отношениями ($r=-0,262$, $p=0.05$), вовлеченности в сексуальные отношения ($r=-0,310$, $p=0.01$), уровнем близости в этих отношениях ($r=-0,382$, $p=0.01$), уровнем доверия ($r=-0,245$, $p=0.05$), страстности ($r=-0,327$, $p=0.01$) и влюбленности в актуального партнера ($r=-0,271$, $p=0.05$) – т.е. по всем значимым параметрам сексуальных отношений девушки с высоким уровнем внутреннего контроля ощущают неудовлетворенность имеющимися отношениями с партнерами мужского пола. По опроснику Большая пятерка личностных факторов у респондентов-девушек также отмечается высокий уровень принятия других и средний уровень выраженности нарциссизма (16 баллов при макс. = 40), что отвечает нормальному уровню любви к себе.

У юношей выявлена сильная положительная корреляция между консервативными гендерными взглядами и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r=0.219$ $p=0.01$), а также умеренная корреляция между принятием установок на социальное доминирование и проявлением насилия в отношении женщин для склонения их к сексу ($r=0.199$ $p=0.05$). Также установлена умеренная связь между взглядами на секс как средство получения удовольствия и стремлением к эксплуатации других в своих интересах ($r=0.186$ $p=0.05$), а также с анонимным одноразовым сексом ($r=0.190$ $p=0.05$). Что в сочетании с консервативной гендерной идеологией может

повышать социальную и психологическую уязвимость женщин в гетеросексуальных отношениях именно в силу социальных установок, свойственных мужчинам. В то же время у юношей была выявлена и сильная корреляция между эгалитарными гендерными взглядами и резко выраженным отрицанием идей сексуального насилия над женщинами ($r=0.227$ $p=0.01$).

У девушек так же, как и у юношей, выявлена сильная положительная корреляция между консервативными взглядами в рамках разделяемой гендерной идеологии и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r=0.251$ $p=0.01$). Однако уровень приверженности эгалитарным гендерным взглядам оказался никак не связанным с установками девушек по отношению к сексуальному насилию. Поэтому если для юношей важным фактором коррекции установок на сексуальное насилие является пропаганда идей гендерного равенства, то для девушек ключевым фактором является борьба с консервативными гендерными установками.

Выводы.

Полученные данные дают основание полагать, что консервативная гендерная идеология далеко не так однозначно позитивно сказывается на личности и характере гендерных отношений юношей и девушек. Консервативная гендерная идеология подталкивает девушек к нормативному оправданию сексуального насилия и доминирования мужчин. Ценность мужского доминирования сочетается с оправданием целесообразности эксплуатации других в своих интересах (в т.ч. сексуальной эксплуатации). Обнаружено, что оправдание девушками сексуального насилия над женщинами значимо коррелирует с консервативными гендерными взглядами, однако, уровень приверженности респонденток эгалитарной гендерной идеологии оказался никак не связан с их отношением к проявлениям любых форм насилия в сексуальных отношениях. Приверженность же эгалитарной гендерной идеологии среди юношей коррелирует с неприятием идей сексуального насилия над женщинами и эксплуатации. Таким образом, из полученных данных можно увидеть практическую целесообразность пропаганды эгалитарных гендерных взглядов среди юношей как фактора, управляющего гендерным поведением мужчин и снижающим социальную и психологическую уязвимость женщин в межличностных отношениях. Среди девушек, напротив,

целесообразно проводить работу по снижению уровня влияния на их представления консервативной гендерной идеологии. Именно такая двунаправленная работа: с юношами – развитие эгалитанных гендерных взглядов, а с девушками – борьба с консервативными гендерными установками – позволит действительно улучшить в психологическом плане реализуемые молодыми людьми практики семейных отношений.

Список литературы

Воронцов Д.Б., Воронцова А.В. Социальные риски, влияющие на современную семью // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 45. С. 35-40.

Кристал И. Неоконсервативное убеждение // Логос. 2004. № 45. С. 170-174.

Муравьева М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Том 12. № 4. С. 625-638.

Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев // Demoscope Weekly. 2014. № 613–614. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php>, свободный (дата обращения 24.08.2015).

Чернова Ж. Множественное равновесие // Полит.ру, 13 февраля 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/02/13/family/>, свободный (дата обращения 24.08.2015).

Психологические особенности гендерных отношений в кыргызской семье

Жолдошева А.О.

Ошский государственный университет, Киргизия

akchach@mail.ru

Историко-правовой анализ обычного права кыргызов позволяет более глубоко изучить различные аспекты в области брачно-семейных отношений кыргызов. Институты кыргызского права, регулирующие брачно-семейные отношения, отражали дух и мировоззренческие аспекты народной жизни. В ходе изучения данных институтов права отдельные авторы стремились показать результат социалистического пути раскрепощения женщин Кыргызстана. Отсюда вытекал и круг исследуемых ими вопросов: бесправное дореволюционное положение кыргызки, калым - вредный пережиток общества, бесправное положение вдовы в кыргызском обществе, первые декреты Советской власти по раскрепощению женщины и т.д. Пристальное внимание именно к этим темам было обусловлено не только идеологической установкой, но и требованием Коммунистической партии с целью политико-просветительской, пропагандистской работы в массах через литературу советского времени. Именно поэтому идеология социализма на долгие годы утвердила догматизм и однобокость в исследовании женского вопроса, закрыв многие перспективные направления в изучении социального и правового положения женщин Кыргызстана и Центральной Азии.

В настоящее время рассмотрение социальной сущности основных брачно-семейных институтов кыргызского права позволит выявить ряд ценностных ориентации, гуманистических начал, получивших свое определенное выражение и правовое закрепление в нормах обычного права. Не соглашаясь с классовым подходом при оценке таких институтов кыргызского общества как калым, аменгерство, многоженство, ашар и др., воспринимавшихся как инструмент эксплуатации низших классов высшими, уместно привести мнение Э.А. Баллера, который считал, что «было бы неверно

утверждать, что духовная культура, служащая господствующим классам, по своей идейной сущности и практической направленности всегда реакционная».⁹ В действительности, приведенные институты закрепляли коллективную взаимопомощь, где права человека защищались всем родом, который нес ответственность за нарушение прав его членов. В кочевом обществе община являлась гарантом существования, жизни и сохранности имущества каждого лица, поэтому именно родовая община выступала основным субъектом владения, гарантирующим безопасность, гражданские и экономические интересы своих членов. Таким образом, правильным представляется вывод о том, что доминирующим фактором кочевой цивилизации кыргызского общества являлся закон патронимии. Закон патронимии имел экономико-правовой аспект, потому что именно в системе патронимических отношений поднимался вопрос о собственности. Патронимия определяла объем прав и обязанностей каждого субъекта кочевого общества, где главным являлся принцип соподчиненности, а основой становления выступала частно-семейная собственность. Однако в основе патронимии лежало не насилие над людьми, а общий хозяйственный интерес, необходимость совместной защиты имущественных прав. Таким образом, именно в патронимии человек находил защиту и помощь. Патронимия гарантировала важную роль в социализации личности, жизнеобеспечение не отдельному человеку, а семье в целом. Данный принцип особенно строго соблюдался в семейно-брачных, имущественных отношениях, а также лежал в основе формирующегося государственного права кыргызов. Обращаясь к истокам возникновения институтов обычного права кыргызов, регулировавших брачно-семейные отношения, отметим, что многие из них: брак с уплатой калыма, аменгерство, многоженство являлись обычаями, существовавшими не только в странах Древнего Востока, но и в древнем Риме, в странах Западной Европы. Например, согласно семейному праву основного кодифицированного источника стран Древнего Востока - Законах Ману, Артхашастрой различалось несколько форм заключения брака, среди которых брак с выкупом жены. Помимо этого, Законы Ману

⁹ Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М. 1987, 68 с.

предписывали вдове становиться женой деверя, а мужу, потерявшему жену, жениться на ее сестре.

Мужчине в Древней Греции разрешалось иметь две жены. Законы XII таблиц, устанавливали брак с покупкой женщины в форме манципации.¹⁰ Древние обычаи германцев также допускали установление брака покупкой «жены». Институт полигамии выступал в качестве одного из древних обычаев, существовавших у многих народов (славян, тюрков, монголов, персов, китайцев и др.). Аналогичного мнения придерживается и Н.Д. Нуртазина, считающая, что обычай уплаты калыма за невесту существовал у арабов и других народов Востока до возникновения ислама, который в последующем был канонизирован и в конечном итоге получил отражение в Коране «калым, - утверждает она, - не имеет реального отношения к исламу. Он является всего лишь национальным, доисламским обычаем».¹¹

Основными факторами возникновения рассматриваемых обычаев и традиций кыргызского народа явились: необходимость регулирования имущественных отношений, связанных с браком; необходимость обеспечения монолитности и сохранения рода; защита интересов общины путем сохранения родовой собственности. Именно эти факторы и привнесли определенное своеобразие в процесс нормативного регулирования семейно-брачных институтов кыргызского обычного права. Подробный анализ социальной сущности каждого института в регулировании семейно-бытовых отношений позволит установить правовое положение и социальный статус женщин Кыргызстана рассматриваемого периода в обществе и семье.

Рассматривая семейно-родственные и имущественные отношения в контексте заключения калымного брака, заметим, что брак у кыргызов считался юридически состоявшимся лишь после уплаты калыма - вознаграждения, выкупа за невесту. Многие ученые советского периода, рассматривая данный институт права ошибочно полагая что женщина выступала в качестве объекта купли-продажи. «Фактически мусульманский брак является актом купли-продажи, т.е. мужчина за определенный выкуп приобретает себе жену», - пишет М.В. Вагабов. Аналогичного мнения придерживается и

¹⁰ Черниловский М. Всеобщая история государства и права. М. 2002. С.53.

¹¹ Нуртазина Н.Д. Введение в теорию гендера. Алматы, 1998, с.22.

современный ученый в области юриспруденции А.Х. Мухтарова, утверждая, что «многие казахи на своих подруг жизни смотрели как на вещь или скотину, которую можно купить, а в случае надобности - продать. Такое отношение казахов к своим женам являлось неизбежным последствием платежа калыма, уплачиваемого женихом за свою невесту».¹²

Однобокость при изучении данного института обычного кыргызского права привела к укоренению ошибочного мнения относительно социального статуса женщин, а также их правового положения в рассматриваемом периоде. В действительности основной причиной возникновения и широкого распространения брака с уплатой калыма явилась острая необходимость в урегулировании имущественных отношений, связанных с заключением брака. Здесь следует исходить из того, что свадебные празднества кыргызов выделялись, особой пышностью, в них принимало участие несколько аулов. Предположительно аул включал в себя 10-15 семейств, совместно кочующих в составе своего отделения, рода. Естественно, что в данных условиях, расходы для обеспечения свадебного торжества не могла понести одна сторона. Поэтому в первую очередь обычай уплаты калыма у кочевников служил защитой экономических интересов отдельного хозяйствующего субъекта (семьи) через объединение родов жениха и невесты и координирование всех действий путем обеспечения баланса их интересов. Согласно обычаю каждая сторона знала, какую долю скота и имущества и на какой стадии брачного обычая им следует предоставить. Так, скот, выплачиваемый в качестве калыма, впоследствии возвращался в виде приданного невесты и расходов, потраченных на организацию и проведение свадебного застолья. Кроме того, скот и имущество новой семьи складывалось частью из стада жениха, предназначенного ему в результате выдела, а также определенной части имущества, включая скот невесты как приданое. Приданое обеспечивало равноценность прав и обязанностей супругов, которое юридически подтверждало равноправие женщины и мужчины.

У народов Средней Азии и Кыргызстана размер калыма часто соответствовал либо не уступал размерам приданого, с которым невеста приходила в дом жениха. «Получив

¹² Мухтарова А.К. Права женщин Казахстана: история и современность // Право и государство. 2002, №3, с. 23.

калым, - писали В. Наливкин и М. Наливкина, - родители невесты обязуются соразмерно количеству последнего снабдить дочь при отправке ее к мужу».¹³ Кисляков по поводу уплаты калыма у казахов отмечал следующее: «О приданом предъявлять претензии отцу не полагается. Правда, если разница между калымом и приданым окажется крайне велика, тогда зять рассказывает всем про такой дурной поступок тестя, стыдит, а подчас жалуется и старшим - биям, а они заставляют тестя прибавить немного».¹⁴

Такое понимание калыма приводит к необходимости изучения вопроса соотношения размера и состава калыма и приданого. Из сведений архивных материалов были установлены следующие размеры калыма: по утверждению А. Девшина у бедных он состоял из 5-6 и менее овец, у богатых доходил до 200 лошадей и 1000 овец с прибавлением разного рода имущества. В материалах по обычному казахскому праву, опубликованных военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзеким в 1871 году, дается определение калыма как оговариваемое сторонами количество скота, оплачиваемого женихом родителям невесты, величина которого соразмеряется с его состоянием.

В качестве приданого обязательно шла юрта, одежда и наряд. Приданое готовили заранее и по уплате калыма родители невесты были обязаны выдать ее жениху немедленно с приданым, состоящим из кибитки (отау), верблюда или верховой лошади и другого скота, головного убора невесты (саукеле), постели с разным прибором (тусек-орын) и сундука с различной одеждою и другими вещами (жасау). Нередко приданое состояло из нескольких голов лошадей либо верблюдов навьюченных коврами, перстнями, серебряными приборами, халатами, шубами, постельными принадлежностями и прочей домашней утварью.¹⁵

Кроме калыма существовали и другие всевозможные виды расходов, которые выдавались в качестве подарков как со стороны жениха так и со стороны невесты. Ф.Д. Люшкевич по этому поводу в статье «Традиции межремейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии» приходит к выводу, что затраты и подарки

¹³ Наливкин В. И Наливкина М. указ. соч., с.129.

¹⁴ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 71.

стороне невесты отчасти компенсируются ответными подарками стороне жениха: «Родители невесты каждый раз одаривают различными комплектами одежды родителей жениха, его братьев и сестер, бабушек по отцу и матери, других близких родственников».¹⁶ Как правило, такие подарки складывались из товаров, составляющих различный инвентарь, ткани, комплекты одежды, предметы роскоши. Существование подобного товарообмена, объяснялся слабым развитием товарно-рыночных отношений, отсутствием недвижимого имущества, малопривлекательностью монетаризма в условиях степи. В условиях кочевого образа жизни у казахов практически отсутствовали базары, меновые дворы, посредством которых они имели бы возможность осуществлять покупку различного рода домашнего инвентаря. А обычай сватовства представлялся наиболее подходящим для осуществления такого рода обмена. Оттого и подарки по мере возможности представлялись равноценными. Кроме того, для молодой семьи предметы домашней утвари являлись необходимыми, а те, что взаимно предоставлялись сторонами, отличались большой ценностью. Заметим, что такого рода подарки не причисляли к калыму. Так, по мнению М.В. Вагабова: «деньги, продукты, расходуемые во время свадьбы, а также персональные подарки невесте и близким родственникам, если в основе всего этого не лежал принцип экономического расчета, стяжательства нельзя свести в прямом смысле слова к калыму, даже в тех случаях, когда их сумма достигала внушительных размеров».¹⁷

Таким образом, калым и приданое среди различных социальных групп кыргызского населения были разными как по размерам, так и по составу. Однако в большинстве случаев, размер калыма соответствовал размеру приданого, а объем затрат на устройство свадьбы со стороны жениха, соответствовал стоимости части приданого, выделяемого отцом невесты. Кроме того, многочисленные взаимные подарки сторон не причисляемые к калыму, являлись необходимым и, как правило, равноценным товарообменом. К этому следует добавить, что приданое в отличие от калыма, всегда считалось собственностью женщины и в случае ее смерти полностью или частично возвращалось родителям.

¹⁵ Мукамбаева Г.А. Манас и право. Бишкек, 2003,с. 243.

¹⁶ Люшкевич Ф.Д. Традиции межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии.// Советская этнография. 1989. № 4. С.17.

Тем не менее, бытовало мнение, что уплата калыма представляла для мужчин из бедных семей, серьезную проблему. В результате отсутствия материальной возможности уплатить калым в полном объеме многие мужчины до 30-40 лет не могли создать семью или создавали семьи в более преклонном возрасте. Однако данное положение не совсем верно, поскольку заключение брака в первую очередь регулировалось публичным правом, межродовой политикой, основываясь на стремлении общества укрепить позиции рода в целом. Основным моментом государственной организации кочевников-скотоводов являлся, как нами было упомянуто ранее, принцип патронимии, базирующийся на системе родства. Верховное право собственности оставалось за всей общиной, на практике широко применялся принцип защиты общих интересов, а именно коллективная ответственность за действия членов рода. Например, если семья жениха не могла в силу бедности оплатить полный калым семье невесты из другого аула, то община оказывала ему необходимую помощь. Широкое распространение имела и такая форма уплаты выкупа, как отработка у отца невесты. «Если юноша, - пишет Н.А. Кисляков, - желал жениться и не имел возможности уплатить калым, а отцу его невесты требовались рабочие руки, то между ними заключалось условие, по которому жених шел работать к будущему тестю бесплатно, после чего он в вознаграждение за свой труд получал жену». Во избежание уплаты выкупа малоимущее население прибегало к заключению так называемых встречных браков: «если кто-либо отдаст свою сестру или дочь в жены другому с таким условием, чтобы тот за это отдал ему в жены свою сестру или дочь, так что один брачный договор будет как бы в уплату за другой, то оба эти договора имеют законную силу».¹⁸

Альтернативой браку с уплатой калыма выступал брак с похищением невесты. Предпосылкой возникновения данного обычая выступала неспособность жениха выплатить калым в полном объеме. Однако обычай умыкания невесты у кыргызского народа резко отличался от того же обычая, присущего другим восточным народам. Во-первых, обычай кражи невесты у кыргызов был тесно связан с традицией сватовства. Так, заключение брака нередко заканчивалось кражей невесты и наоборот, кража

¹⁷ Вагабов М.В. указ.соч. с.34.

¹⁸ Хидая. Ташкент. 1893, с.147.

невесты заканчивалась сватовством с частичной уплатой калыма. Во-вторых, в большинстве случаев кража невесты состоялась по обоюдному согласию молодых, а не путем применения насильственных методов, отчего и родители, убедившись, что дочь ушла по своей воле, в большинстве случаев, не препятствовали браку. В-третьих, похищение невесты не являлось уголовно наказуемым деянием, а относилось к области гражданского права, а такой брак при соблюдении определенных правил приобретал черты полной правоспособности.

С правовой точки зрения женщина в казахском обществе не могла выступать в качестве предмета сделки, так как по общему правилу данный факт должен был изначально предполагать допущение у кыргызов совершение сделок, предметом которого выступал бы человек вообще. Кыргызский народ не знал рабства в классическом его проявлении. В отличие от стран Арабского Востока, а также в силу кочевого образа жизни кыргызы не знали гаремов и наложниц, тюрем и зинданов. Кроме того, женщина у кыргызов пользовалась свободой, имела право по своему усмотрению распоряжаться своим приданым, получать долю в наследственном имуществе, поднимать в установленных случаях вопрос о разводе. Встречались женщины, как правило, это были старшие жены - байбиче, которые в связи с длительным отсутствием мужа, брали на себя ответственность самостоятельно управлять аилами. Им оказывалось особое уважение и неременное послушание со стороны членов всей родовой общины. По. этому поводу А.К. Мухтарова отмечает, что в отсутствии мужа «фактической хозяйкой дома оставалась его жена, и она управляла всем по своему усмотрению, низводя мужа до степени номинального хозяина и главы семейства».

О равноправии мужчин и женщин в кыргызском обществе высказывается и А.С. Ибраева: «В кочевом обществе ни мужчина, ни женщина не считались в чем-то ниже или хуже. Женщинам оказывалось больше почтения, чем где-либо...».¹⁹ А умная и способная девушка у кыргызов и казахов всегда представляла особую гордость для родителей, отец и родственники считали физическое наказание девочки недопустимым. Соответственно, выдавая дочь замуж, родители лишались не только ласки, ухода с ее стороны, но вместе с тем и трудоспособного члена семьи. Калым в данном случае выступал как дань

уважения родителям, вырастившим и воспитавшим дочь в атмосфере любви и уважения к взрослому поколению. Этим жестом сторона жениха выражала признательность близким родственникам невесты за согласие выдать ее замуж, в надежде, что та в свою очередь подарит им нового члена семьи, который, прославит и приумножит их род. Главное предназначение девушки заключалось в продолжении рода, причем рода не своего, а мужа. Эти и другие факты служили верным доказательством того, что кыргызы не допускали грубость и насилие, а также несправедливого отношения к женщине.

Социальная природа брака с уплатой калыма дает основание полагать, что имущество, уплаченное за невесту, выступало в какой-то мере залогом стабильности и устойчивости брака. Другими словами, брак скрепляли не только отношения между семьями и родами, но и имущественные обязательства, которые могли быть исполнены полностью сразу после сватовства, либо в рассрочку. И только после полной уплаты калыма, в аиле невесты совершалось бракосочетание.

Таким образом, внимательно изучив институт брака с уплатой калыма, можно утверждать, что калым, не являлся сделкой купли-продажи женщины, а представлял собой способ регулирования межродовых имущественных отношений при формировании новой семьи. Брак у кыргызов играл роль своеобразного правового и социального регулятора. Специфика степного права проявлялась в том, что защищала экономические интересы каждого члена общества, в том числе и женщин. Одной из главных особенностей данного обычая состояло в том, что все его элементы являлись взаимозависимы. Как отмечалось выше, определенная часть калыма предназначалась для покрытия многочисленных расходов, возникавших в ходе свадебного торжества, а также расходов, связанных с обзаведением новобрачных имуществом. По сути, жених также принимал участие в установлении размера приданого невесты, которое в большинстве случаев зависело от размера получаемого за нее калыма. В свою очередь, калым через приданое невесты являлся опосредованным вкладом семьи жениха в совместную собственность супругов. Из средств калыма сторона невесты оплачивала свадебное торжество, комплектовало приданое невесте, калым выступал гарантом имущественной

¹⁹ Ибраева А.С. указ.соч. с. 29.

независимости женщины при наступлении негативных для нее последствий в браке.

Нельзя забывать и то, что брак с уплатой калыма был обусловлен особенностями трудной кочевой и полукочевой жизни кыргызского народа, являясь при необходимости материальной поддержкой продолжателей рода, потомков.

Характерным для семейно-брачного права кыргызов является и другой институт, вошедший в научную терминологию как аменгерство. Обычай требовал, чтобы вдова по истечении года после проведения поминок обязана была выйти замуж за одного из братьев умершего, как прямого его наследника. В качестве аменгера могли выступать и иные родственники умершего мужа. Однако право на первоочередность аменгерства определялась степенью близости родства мужчин к покойному. Так, первоочередное право взять вдову в жены принадлежало старшему из братьев, однако если сама вдова предпочитала младшего, ему предоставлялось право взять ее в жены вместе с детьми и всем имуществом покойного, а обойденному старшему предоставлялся сравнительно небольшой выкуп как выражение своей признательности и уважения.

В литературе советского периода отмечалось, что кыргызы смотрели на вдову как на имущество, которым могли распоряжаться родственники покойного, допуская в отдельных случаях передачу этого права и более отдаленным сородичам. Данная позиция разделялась рядом ученых, высказывающих мнение относительно несправедливого положения женщин, наиболее ярко отразившееся в институте аменгерства. Для усиления этого утверждения советские идеологи провозгласили рассматриваемый институт кыргызского права вредным пережитком прошлого, признаком невежества и отсталости, сохранившимся у кыргызов с феодальных времен.

Основываясь на исторических фактах, позволим себе усомниться в непоколебимости мнений авторов, придерживающихся вышеизложенной позиции. Институт аменгерства, существовавший у кыргызского народа с древности объяснялся несколькими причинами. Основная причина обусловлена стремлением народа сохранить род. Действительно, раскрывая социально-общественную значимость института аменгерства, следует признать, что одно из главных достоинств обычая, заключалось в проявлении попытки сохранить целостность семьи в случае смерти одного из братьев, чтобы дети не оставались сиротами, а женщины - вдовами, в недопущении разрыва

родственных уз, позволявших возрождаться вымирающим семьям. Существующий обычай являлся выражением ментальности степного народа, находящегося под угрозой истребления, борьбой его за свое существование, что требовало более полной реализации принципа единства, сплоченности и взаимопомощи родственников. Данная идея весьма точно подчеркнута известным ученым в области мусульманского права С. Узбекулы, считавшего, что жесткие условия жизни казахов в первую очередь были обусловлены суровым климатом, разобщенностью кочевого хозяйства, а также господством патриархально-феодалных отношений. В силу этого, без взаимопомощи и поддержки членов аульной общины функционирование кочевого общества было бы просто невозможным. В этой связи примечателен тот факт, что человек у кыргызов был прочно консолидирован и неотъемлем от своего рода, что характерно и для института аменгерства. Так, например, следует учитывать, что родовая принадлежность детей умершего родственника считалась важным моментом права кочевой цивилизации, так как именно из их числа, в конечном счете, и состояло родовое общество, именно они делали род более сильным, богатым и влиятельным. Для этого было крайне необходимо, чтобы молодая вдова оставалась со своими несовершеннолетними детьми, хозяйством и имуществом среди родственников мужа. В силу этих обстоятельств, близкие родственники умершего старались воспользоваться правом левирата. Левират делал семью покойного объектом собственности родственников мужа и рода, однако это относится, прежде всего, только к имуществу. Сама вдова теоретически сохраняла свободу выбора нового мужа как внутри рода покойного мужа, так и вне него, так как продолжала оставаться объектом опеки со стороны родственников прежнего рода. Взамен общинно-родовая организация предоставляла отдельному семейному хозяйству родственную взаимопомощь, защиту жизни и имущества, гарантии от разорения.

Гендерная идентичность супругов и особенности функционирования семьи

Садовникова Т.Ю., Суворова Е.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

tatsadov@yandex.ru, suvorova@restavracia.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению гендерной идентичности супругов, а также изучению связи соотношения типа гендерной идентичности супругов с особенностями функционирования семейной системы (системная модель МакМастерса). Для выявления мужской и женской гендерной идентичности использован модифицированный вариант методики С.Бем, адаптированный в соответствии со структурной трехкомпонентной моделью гендерной идентичности: Я («реальный» гендер) – «идеальный» гендер – «нормативный» гендер. В исследовании приняли участие 36 супружеских пар (72 чел.) в возрасте от 25 до 54 лет

Ключевые понятия: гендер, гендерная идентичность, системный подход, семьи, гендерная комплементарность.

Современный мир - это мир информационный, медийный, мир с множеством вариантов идентификации и самореализации. Мир с большой степенью социальной неопределенности (Белинская Е.П., 2002, 2004; Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П., 2011). Поиск, утверждение своей идентичности (Э.Эриксон) является одной из центральных проблем развития личности во второй половине XX века – начале XXI века (Асмолов А.Г., 2001; Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001). Эпоха глобализации воздействует и на современное российское общество. Утрата обществом единой системы ценностей, высокая степень стратификации, миграционные процессы, экономические и политические кризисы постсоветской эпохи на территории бывшего СССР, безусловно, оказывают значительное влияние на становление личности молодого человека (Журавлева Н.А., 2006; Дубовская Е.М., 2014; Солдатова Г.У., 2011).

Формирование полоролевой идентичности осуществляется на протяжении всей жизни человека (Ильин Е.П., 2010; Перегудина В.А., 2011; Ожигова Л.Н., 2005, Репина Т.А., 2004). Современный человек, в среднем, чаще, чем представители предшествующих поколений, осуществляет пере выборы на протяжении своего жизненного пути: меняет место жительства, профессию, вступает в повторный брак. Осознание своей принадлежности к определенному биологическому полу, как правило, происходит в дошкольном возрасте и находит свое подкрепление со стороны общества через взаимодействие с членами семьи, педагогами, сверстниками в рамках различных социальных институтов. Были выявлены два кризиса в развитии половой идентичности, первый в 3 — 5 лет, второй — в подростковом возрасте (Каган В.Е., 1991). СМИ являются одним из важнейших каналов трансляции образцов поведения представителей разных полов для подрастающего поколения. Несмотря на признаваемую профессиональным сообществом важность проблематики полоролевого развития, по-прежнему остается множество не проясненных вопросов. Формирование половой идентичности детерминировано как биологическими как и социальными факторами (Баттерворт Дж., Харрис М., 2000; Райс Ф., 2001; Крайг Г., 2011; Сапогова, 2009). Для прояснения биологических и социально-психологических аспектов мужского и женского поведения американский психолог Р. Столлер в конце 1960-х гг. предложил понятийно разделить человеческую сексуальность по двум аспектам: биологическому и социальному, за которым он предложил закрепить, соответственно, термины «пол» и «гендер». Термин «полоролевая идентичность» был введен известной исследовательницей С. Бем (1975). В современной психологии более употребимым стал термин «гендерная идентичность», поскольку понятие «гендер» включает в себя более широкий спектр проявлений пола. Гендерную, или полоролевою, идентичность можно определить как составляющую самосознания, включающую представление о себе как мужчине или женщине, обобщенные гендерные, или полоролевые, стереотипы и отношение к ним. Гендерная идентичность играет важную роль в регуляции поведения и процессах адаптации (Сыроковашина К.В., Дворянчиков Н.В., 2008).

Гендерная идентичность рассматривается как продукт социального конструирования. Именно на основании существующих в обществе эталонов

формируются представления ребенка о собственной гендерной идентичности и роли, его поведение, самооценка. В самосознании человека гендерная идентичность, как особый вид социальной идентичности личности, сосуществует в единстве с представлениями о профессиональном, семейном, этническом, образовательном и прочими статусами (Ениколопов С.Н., Кравцова О.А., 1999).

В современной психологии большое внимание уделяется феномену *кризиса гендерной идентичности*, под которым понимается невозможность достижения внутренней согласованности, самоактуализации и внешнего подтверждения гендерной идентичности. Кризис гендерной идентичности включает в себя рассогласование внутренних компонентов гендерной идентичности (гендерных представлений, гендерной самооценки и гендерных планов, способов и структур поведения), а также рассогласование внутренних составляющих гендерной идентичности с внешними гендерными пространствами, включающими в себя гендерные стереотипы и эталоны, гендерную телесность и гендерные роли (Гредновская Е.В., 2007). Исследования показывают, что конструктивное разрешение кризиса гендерной идентичности является важнейшим фактором сохранения психологического благополучия личности.

Маскулинность и фемининность (от лат. masculines – мужской и femininus – женский) в современной психологии описывают нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и для женщин; элемент полового символизма, связанный с дифференциацией ролей половых. В дифференциальной психологии разработаны тесты, направленные на исследование маскулинности и фемининности. Некоторые черты, приписываемые маскулинностям и фемининностям, транскультурны: например, отождествление маскулинности с силой, агрессивностью, а фемининности — с мягкостью и нежностью (Ильин Е.П., 2010; Бем С., 2004). Как системное целое, маскулинность и фемининность являются историческими и этноспецифическими понятиями. При их изучении важно учитывать принципиальную асимметрию половых ролей и то, чью точку зрения - мужскую или женскую - выражает данный конкретный стереотип.

Обыденное сознание склонно абсолютизировать психофизиологические и социальные различия полов, отождествляя маскулинность с активно-творческим,

культурным, а фемининность – с пассивно-репродуктивным, природным началом. Научно доказана условность этой категоризации, показано многообразие свойств маскулинности и фемининности, их зависимость от системы половых ролей и культурных норм, а также наличие множества индивидуальных вариаций, не совпадающих с нормативной моделью (Клецина И.С., 2009). В XIX в. маскулинные и фемининные черты считались дихотомическими, взаимоисключающими, а всякое отступление от «норматива» воспринималось как патология или девиация. Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных качеств, на базе коей были созданы специальные шкалы для измерения степени умственных способностей, эмоций, интересов и пр. Все они предполагали, что в пределах некоей нормы индивиды могут различаться по степени маскулинности и фемининности. Эти свойства представлялись альтернативными: высокая маскулинность должна коррелировать с низкой фемининностью и наоборот, причем для мужчин желательна высокая маскулинность, а для женщин — фемининность.

Позднее выяснилось, что не все психические свойства пола дифференцируются на «мужские» и «женские», и что индивидуальные показатели маскулинности и фемининности по разным шкалам (интеллекта, эмоций, интересов и пр.) не всегда совпадают. Усложнились и представления о том, какие именно качества особенно благоприятствуют психическому здоровью и социальной адаптации.

Тесты широко используемые в настоящее время для исследования маскулинности и феминности, такие как тест Сандры Бем (Бем С., 1979) и опросник личностных свойств Джанет Спенс и Роберта Хельмрайха (Spence J., Helmreich R., 1979), рассматривают маскулинность и фемининность не как альтернативы, полюсы одного и того же континуума, а как независимые качества, параметры.

Высокая маскулинность у мужчин и высокая фемининность у женщин не является гарантией психологического благополучия. В монографии Э.Маккоби и К. Жаклин отмечается, что высокая фемининность у женщин часто совпадает с пониженным самоуважением и повышенной тревожностью. По данным И.Н. Димура (2005), фемининные женщины обладают низким самоконтролем и высокой тревожностью, консервативностью, адекватной самооценкой, конформностью, чувствительностью,

общительностью (Ильин Е.П., 2010). Высокомаскулинные мужчины оказались более тревожными, менее уверенными в себе и менее способными к лидерству, хотя будучи подростками, обладали такой уверенностью и были удовлетворены своим положением среди сверстников. Высокофемининные женщины и высокомаскулинные мужчины, писала С.Бем, хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными половыми ролями.

По мнению Дж. Плек, следование «мужественности» имеет не только положительные стороны, но и отрицательные. Более того, когда обстановка требует проявления «женских» качеств и действий, у мужчины, строго придерживающегося мужской роли, может возникнуть мужской гендерно-ролевой стресс, или, по О'Нилу, - гендерно-ролевой конфликт. О'Нил с коллегами в 1995 году выделили 6 признаков гендерно-ролевого конфликта: 1). ограничение эмоциональности – трудность в выражении своих эмоций или отрицание права других их выражать; 2). гомофобия – боязнь гомосексуалов; 3). потребность контролировать людей и ситуации, проявлять власть; 4). ограничение сексуального поведения и демонстрация привязанности; 5). навязчивое стремление к соревновательности и успеху; 6). проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни. Маскулинность женщин, как отмечает И.Н. Димура, также может приводить к фрустрированности, поскольку при этом у женщин часто отмечаются противоположно направленные тенденции «зависимость-независимость» и не вполне адекватная самооценка. В семье гендерная идентичность супругов проявляется в их представлениях о распределении ролей, в особенностях взаимодействия, в способах исполнения ролей и т.д.

В современных исследованиях, как правило, авторы опираются на системный подход в рассмотрении феноменов и механизмов функционирования семьи (Варга А.Я., 2001; Черников А.В., 2001; Карабанова О.А., 2008, Шнейдер Л.Б., 2005). В рамках системного подхода показано, что проблема конкретного члена семьи является индикатором дисфункциональности семейной системы в целом, семья рассматривается как «единица анализа» и как единица психологического воздействия (Черников А.В., 2001). Широко известны модели Д. Олсона (Лидерс А.Г., 2006), МакМастерса (Уорден М., 2005; Эйдемиллер Э.Г., 2010). Семья является культурно-историческим

феноменом. Подчиняясь двум фундаментальным законам функционирования семьи -- закону гомеостаза и закону развития, -- современные семьи могут иметь значительные различия в реальной практике жизнедеятельности супругов и их детей. Множественные, обладающие высоким темпом изменений, трансформации российского общества периода перестройки привели к возникновению новых форм семьи и трансформации существующих (воскресный брак, брак child-free, конкубинат, гражданский брак, пробный брак, дистантный брак и т.д.). Отметим более терпимое отношение современного российского общества к тем формам супружества, которые существовали в нашей стране и в эпоху застоя, но встречались значительно реже и, как правило, получали негативную социальную оценку в обществе.

Семья представляет собой гибкую систему, реагирующую на внешние и внутренние воздействия структурно-функциональными изменениями. Без этих изменений функционирование семьи является дисгармоничным, препятствующим личностному росту членов семьи, компенсирующим возникающее напряжение появлением и закреплением симптомов (Сатир В., 2000; Шнейдер Л.Б., 2000; Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В., 1999). На современном этапе развития общества, российская семья характеризуется рядом негативных тенденций (Карабанова О.А., 2008; Варга А.Я., 2009; Целуйко В.М., 2007). Назовем некоторые из них: катастрофическое снижение рождаемости, повышение смертности, рост численности проблемных семей и семей группы риска, снижение уровня здоровья членов семьи, рост числа разводов и количества неполных семей. Прежние механизмы социальной адаптации, совладания семьи с нормативными и ненормативными кризисами, апробированные и отработанные не одним поколением советских семей, на современном этапе развития российского общества перестали действовать, а новые вырабатываются достаточно медленно и стихийно. Исследователи пишут о межпоколенном разрыве («gap»), о том, что транслируемые образцы семейной жизнедеятельности не всегда успешно срабатывают в изменившемся обществе.

Как отмечает И.А. Карабухина (Карабухина И.А., 2007), проблемы российской семьи, связанные с поиском ресурсов семьи для успешного функционирования в изменившихся социально-экономических, политических и социокультурных условиях

российского общества, еще не достаточно изучены и представляют обширное поле для глубоких научных изысканий в этой сфере. Одним из таких ресурсов, на наш взгляд, является предполагаемые нами, на основе теоретического анализа литературы, возможности семей к эффективному функционированию, связанные с гендерной «схемой» нуклеарной семьи, определяемой соотношением гендерной идентичности супругов. Тот или иной тип гендерной идентичности может позволить личности реализовывать различные сценарии, повлиять на формирование качественно иного образа конкретной ситуации и т.д. Другими словами, гендерную идентичность супругов мы рассматриваем как источник более широкого репертуара (взаимо)действия супругов, лежащего в основе функционирования семьи.

Исследований гендерной идентичности супругов явно недостаточно. Нами не были обнаружены работы, направленные на изучение особенностей функционирования семьи в связи с соотношением гендерной идентичности супругов. Представленное исследование является актуальным в теоретическом и практическом плане.

Целью исследования являлось изучение наличия связи между соотношениями гендерной идентичности супругов и их представлениями об особенностях функционирования семейной системы.

Выборка: 36 супружеских пар (72 человека) в возрасте от 25 до 54 лет. Образование: высшее – 61 человек (85%): 30 мужчин и 31 женщина. Работают – 63 человека (88%), в том числе 35 мужчин (97% от числа всех мужчин) и 28 женщин (78% от числа всех женщин); не работают – 9 человек (12%), в том числе 1 мужчина (3% от числа всех мужчин) и 8 женщин (22% от числа всех женщин). Нет детей в 14 семьях (39% респондентов); в 22 семьях дети есть (61% респондентов).

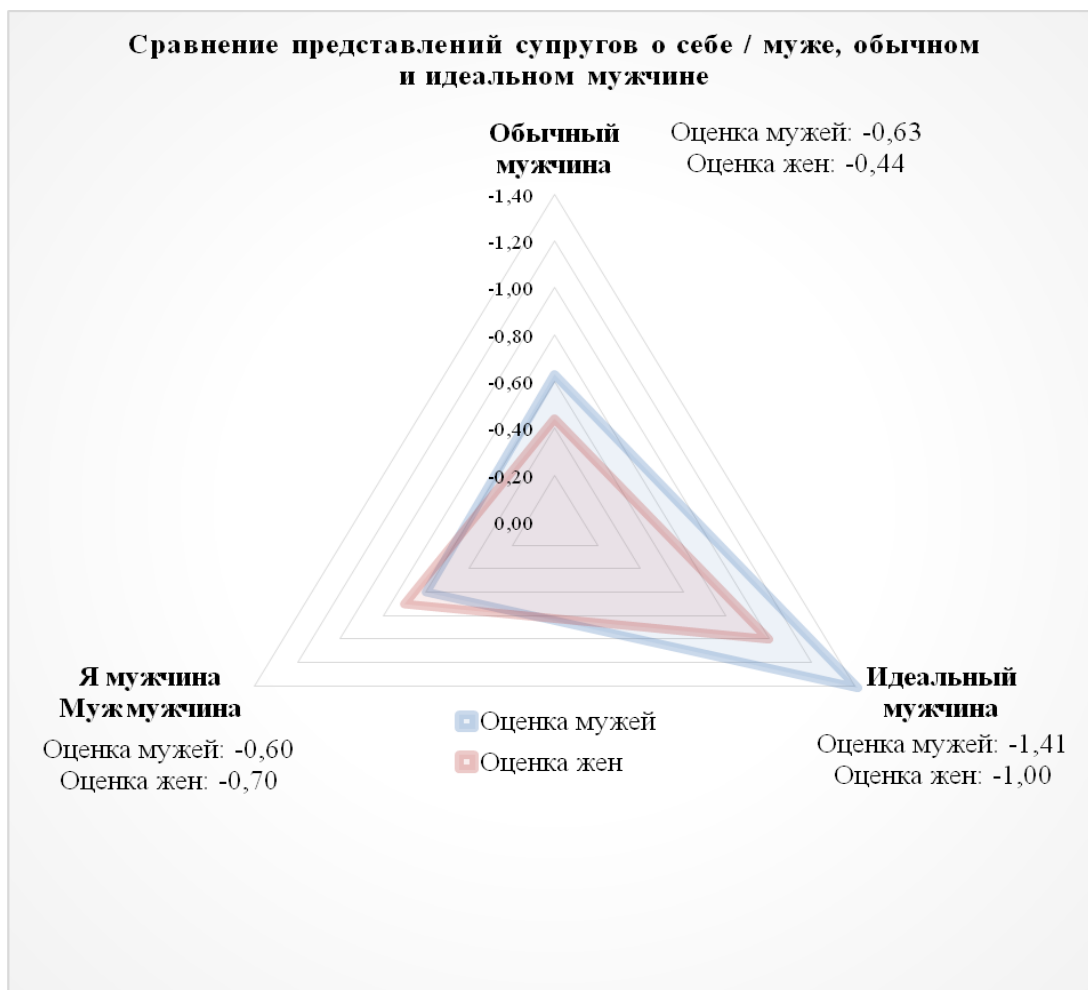
Методы и методики: Анкета, Методика «Маскулинность-Фемининность» С.Бем (модификация, основанная на модели Л.Г. Степановой (2009)), Методика оценки функционирования семьи модели МакМастерса (Family Assessment Device, FAD), в адаптации Т.Ю. Садовниковой (Садовникова Т.Ю., 2013), методы математической статистики.

Основные результаты. При исследовании гендерной идентичности супругов была использована модель гендерной идентичности, включающая три

компонента гендерной идентичности: «Я-реальный», «Обычный/нормативный мужчина», «Идеальный мужчина». Респондентов просили три раза оценить, используя набор качеств методики С. Бем, как они оценивают три компонента гендерной идентичности мужчин и женщин. В результатах описания использованы показатели, полученные в соответствии с правилами обработки данных методики С. Бем (Ильин Е.П., 2012). Сравнение представлений супругов, мужей и жен о *мужской гендерной идентичности* представлено на Рисунке 1.

Рисунок 1.

Сравнение представлений супругов о мужской гендерной идентичности

В среднем, по мнению жен, муж более похож на «идеального» мужчину, чем представляется самим мужчинам. Супруг в восприятии женщин оказался, в среднем, более маскулинным, по сравнению с обычным мужчиной, хотя и менее маскулинным, чем мужчина идеальный.

С точки зрения оценки полученных данных по критериям, предложенным С.Бем, можно сказать, что: 1) как мужья сами видят себя, так и жены видят своих мужей, *андрогинными*; 2) и мужчины, и женщины представляют обычного мужчину андроинным; 3) и мужчины, и женщины представляют идеального мужчину маскулинным.

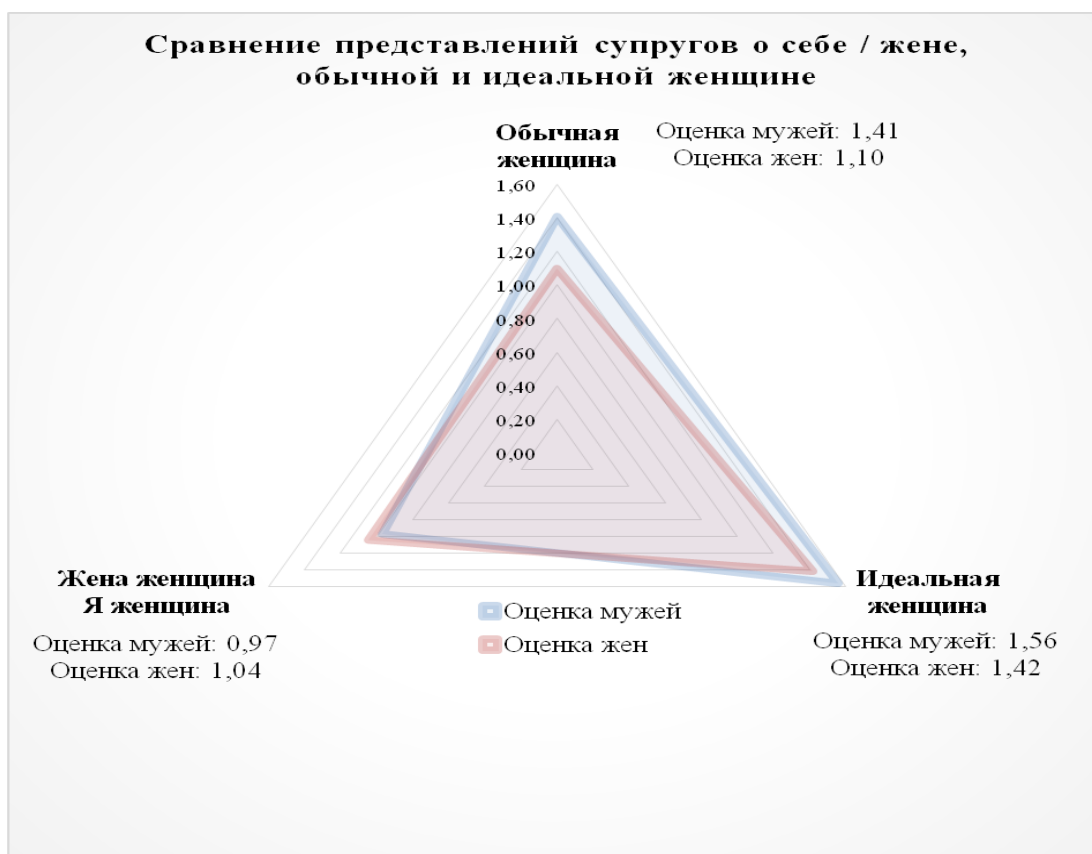
Сравнение представлений мужей и жен о женской гендерной идентичности представлено на Рисунке 2.

И мужья, и жены, вошедшие в нашу выборку, в среднем, видят жену менее феминной, чем «обычную» и «идеальную» женщину, т.е. оценки компонента женской гендерной идентичности «Реальная» женщина, у супругов согласованы. Однако в восприятии обследованных мужчин (мужей), «Реальная» женщина (супруга) не приближена к «обычной» женщине, и еще менее приближена к «идеальной» женщине.

Данный факт отражает, на наш взгляд, трансформацию гендерных стереотипов. Причем в большей степени изменения касаются стереотипов женской гендерной идентичности, по сравнению со стереотипами в отношении мужской гендерной идентичности.

Заметим также, что представления мужей об обычной и идеальной женщине более схожи («обычная» женщина – 1,41, «идеальная» женщина – 1,56), чем представления женщин об «обычной» и «идеальной» женщине, которые обнаруживают значительную степень различия («обычная» женщина – 1,10, «идеальная» женщина – 1,42).

Сравнение представлений супругов о женской гендерной идентичности

Другими словами, нормативные представления мужчин о женской гендерной идентичности, в среднем, более связаны с идеальными образцами женской гендерной идентичности, по сравнению с аналогичными – у женщин. Высокая степень рассогласования нормативных и идеальных представлений в области гендерной идентичности расценивается нами как фактор риска, и/или возможный гендерно-ролевой конфликт, по О’Нилу, который, в среднем, более выражен у обследованных женщин (жен), по сравнению с мужчинами (мужьями).

С точки зрения оценки полученных данных по критериям, предложенным С.Бем, можно сказать, что: 1). жены видят себя феминными, а мужья видят своих жен скорее андрогинными; 2). и мужчины и женщины представляют обычную женщину феминной; 3). и мужчины и женщины представляют идеальную женщину феминной.

В целом, при сравнении представлений супругов, жен и мужей, о компонентах *женской гендерной идентичности* у мужчин и у женщин, т.е. представлений об «обычной» и «идеальной» женщине, мы видим четкую тенденцию повышения степени феминности от обычной к идеальной женщине, как со стороны мужчин (1,41; 1,56), так и со стороны женщин (1,10; 1,42). Т.е. идеальная женщина ассоциируется с более выраженной фемининной идентичностью, по сравнению с показателями феминности для реальной женщины. Отметим, что средние показатели феминности идеальной женщины не высокие. Возможно, данный эмпирически выявленный факт обусловлен тем, что современные женщины приобретают все больше мужских качеств. И, возможно, трансформация идеальных представлений о женщине, имеет вектор изменения в направлении андрогинной гендерной идентичности. Исследование гендерной идентичности супругов по структурной модели, включающей три компонента, методом **корреляционного анализа** позволило получить данные о следующих связях на значимом уровне ($p \leq 0,05$) и на уровне тенденции ($0,07 < p < 0,05$) между компонентами гендерной идентичности супругов: отдельно для жен, отдельно для мужей. Мужья, скорее, ассоциируют представление о себе, Реальном мужчине, с Идеальным мужчиной, а не с Обычным (нормативным) мужчиной. Женщины, в среднем, ассоциируют представление о себе, Реальной женщине – с Обычными, а не Идеальными женщинами, что по нашему мнению, может отражать современную ситуацию, в которой женщина, во многом наравне с мужчиной, занята профессиональной деятельностью, приобретает маскулинные качества. Как следствие, реальная жизнедеятельность обычной современной женщины приводит к формированию новых качеств современной реальной женщины, которые все более отдаляются от образа идеальной женщины, собирающем в себе традиционные фемининные женские качества. Последние, возможно, не способны обеспечить возможность равного с мужчинами участия в деловом взаимодействии, конкуренции с мужчинами в контексте трудовой занятости. Анализ соотношений типов гендерной идентичности супругов внутри супружеских пар позволил выделить 7 групп семей. Полученные типы соотношений гендерной идентичности внутри супружеских пар были, в свою очередь, классифицированы по принципу сравнительной доминирующей маскулинности одного из супругов. Были выделены следующие три

группы семей: 1. Муж более маскулинный, чем жена 17 пар (47,2 %); 2. Муж и жена равно маскулинные 14 пар (38,9 %); 3. Муж менее маскулинный, чем жена 5 пар (13,9 %).

Диаграмма 1

Сравнительные представления мужей и жен о функционировании своей супружеской семьи (усредненные показатели по выборке)

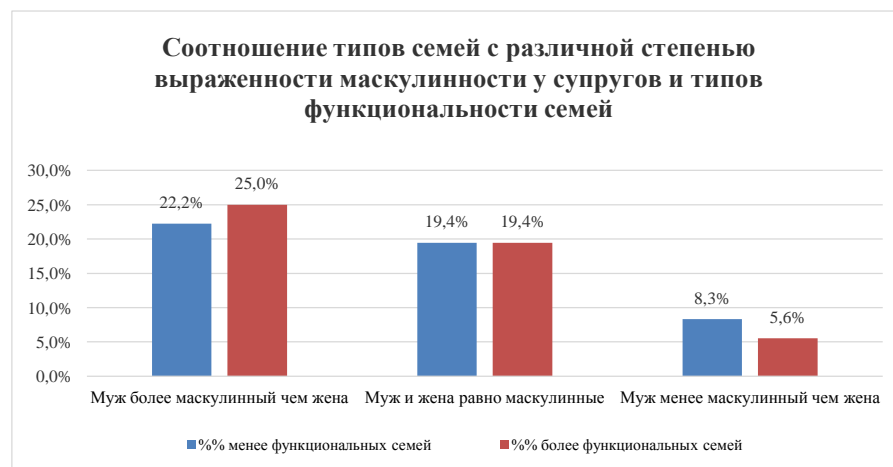
Результаты исследования особенностей функционирования семьи как системы (модель МакМастерса), с точки зрения обследованных супругов, представлены на диаграмме 1. По оси абсцисс указаны шкалы методики FAD, направленной на выявление особенностей функционирования семьи по модели МакМастерса (Эйдемиллер Э.Г., 2010). Были исследованы особенности функционирования семьи методом **корреляционного анализа**: в отношении представлений супругов о функционировании семьи выявлены как сходства, так и различия. Общим является выявленная общая структура взаимосвязей между представлениями об Общем функционировании, Коммуникациями, Решением проблем и Аффективной реактивностью. К различиям же относятся особенности структур мужской и женских подсистем, заключающиеся в отсутствии связей между определенными компонентами: у женщин Контроль поведения не связан ни с Ролями, ни с Аффективной вовлеченностью, а Решение проблем не

связано с Аффективным реагированием (у мужчин связаны), а у мужчин Контроль поведения не связан с Коммуникацией (у женщин связан).

Далее были выполнены два шага: сначала все семьи были разделены на 6 групп от наименее функциональных к наиболее функциональным. Для целей последующего анализа, указанные 6 групп были укрупнены до 2 групп семей, имеющих сравнительно меньшую или большую функциональность: Менее функциональные (1,92-2,82) – 18 семей; более функциональные (2,83-3,38) – 18 семей. Для изучения связи соотношения гендерной идентичности супругов и особенностей функционирования семьи нами были сопоставлены данные, полученные по Методике С. Бем и данные, полученные по Методике исследования функционирования семьи FAD по следующим параметрам: 1). тип семьи, установленный при сравнении маскулинности мужа и жены внутри супружеской пары, выявленный при анализе Методики Маскулинность-Феминность С. Бем (3 типа семей: а) муж более маскулинный, чем жена; б) муж и жена равно маскулинные; в) муж менее маскулинный, чем жена); 2). тип функционирования семьи, выявленный при анализе Методики FAD (2 типа: менее функциональные и более функциональные). Методом кросстабуляции были получены следующие результаты.

Диаграмма 2.

Соотношение типов семей с различной степенью выраженности маскулинности у супругов и типов функциональности семей

В парах, в которых муж более маскулинен, чем жена, более выражено успешное функционирование семьи, а в парах, в которых жена более маскулинна, чем муж выявлено менее успешное функционирование семьи.

Между семьями, в которых муж более маскулинен, чем жена и семьями, в которых муж и жена равно маскулинны, существуют значимые различия в ответах по шкале Решение проблем ($p=0,00$). Между семьями, в которых муж более маскулинен, чем жена и семьями, в которых муж менее маскулинен, чем жена, существуют **значимые различия** в ответах по шкале Аффективное реагирование ($p=0,04$). Исследование средних значений по шкале Аффективное реагирование по этим типам семей показало, что в семьях, в которых муж более маскулинен, чем жена средний показатель, полученный в ответах по шкале составляет 3,28, тогда как в семьях, где муж менее маскулинен, чем жена, - 2,70.

Между семьями, в которых муж и жена равно маскулинны и семьями, в которых муж менее маскулинен, чем жена, также существуют **значимые различия** (на уровне тенденции) в ответах по шкале Аффективное реагирование ($p=0,06$). Исследование средних значений по шкале Аффективное реагирование по этим типам семей показало, что в семьях, в которых муж и жена равно маскулинны, средний показатель, полученный в ответах по шкале составляет 3,13, тогда как в семьях, где муж менее маскулинен, чем жена, - 2,70.

Основные выводы

По результатам исследования гендерной идентичности супругов (36 пар – 72 чел) и их представлений об особенностях функционирования их супружеских семей выявлено следующее:

1. Установлено, что существует связь между гендерной идентичностью супругов особенностями их представлений о функционировании семьи: выявлено, что, по мнению супругов, наиболее функциональны те семьи, в которых муж более маскулинен, чем жена, а наименее функциональны семьи, в которых муж менее маскулинен, чем жена.
2. Существуют различные типы соотношений гендерной идентичности супругов в семье: установлено, что преобладающим типом в обследованной выборке является

такое соотношение гендерной идентичности супругов, при котором муж более маскулинен, чем жена (47% обследованных семей), на втором месте, по частоте представленности, – семьи, в которых муж и жена маскулинны в равной степени (39% семей), и наименее представлены семьи, в которых муж менее маскулинен, чем жена (14% семей).

3. Наиболее представлено в выборке *сочетание типов гендерной идентичности* супругов, когда оба супруга обладают андрогинным типом гендерной идентичности (36% семей).

4. Данные, полученные в результате *исследования представлений супругов об особенностях функционирования их семей*, свидетельствуют о том, что представления мужей и жен о функционировании семей имеют как сходства, так и различия. Сходства заключаются в том, что, с точки зрения и мужей, и жен ядром функционирования семьи являются Решение проблем, Аффективная реактивность и Контроль поведения. Различия в представлений супругов об особенностях функционирования их семей проявились в том, какова значимость каждого из компонентов функционирования семьи (модель МакМастерса) в представлениях мужей и жен: у мужей на первом месте Решение проблем и на втором -- Аффективная реактивность, а у жен на первом месте -- Аффективная реактивность, а на втором – Решение проблем.

5. Интересными представляются и особенности, выявленные в мужской и женской подсистемах, которые, на наш взгляд обусловлены гендерными особенностями супругов, обнаруженные при изучении функционирования семьи с точки зрения супругов, а именно: отсутствие у женщин связи между компонентами Контроль поведения и Роли с компонентом Аффективная вовлеченность, а у мужчин – отсутствие связи между компонентом Контроль поведения и компонентом Коммуникация. Выявленные факты требуют дальнейших исследований.

В целом, установлена связь различных показателей гендерной системы нуклеарной семьи (гендерная идентичность супругов, соотношение гендерной идентичности супругов, восприятие гендера партнера супругами) и особенностей функционирования семьи.

* - авторы выражают признательность О.В. Алмазовой за консультации по вопросам статистической обработки данных.

Список литературы

- Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. — М.: Смысл, 2001.
- Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития: Пер с англ. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2000.
- Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. Пер. с англ., М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие - СПб.: Питер, 2006.
- Берн Ш. Гендерная психология. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Белинская Е.П. Человек в информационном мире. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.
- Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности, М., 2001.
- Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб: Речь, 2001.
- Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 182 с.
- Грошев И.В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. – М.--Воронеж, 2005. – 464 с.
- Гредновская Елена Васильевна. Кризис гендерной идентичности : дискурсы и практики : социально-философский аспект анализа : Автореф. дис. ... канд. философ. наук: - Екатеринбург, 2007.- 26 с.
- Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1998.
- Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования. 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

- Ениколопов С. Н., Кравцова О. А. Теории сексуального насилия // Прикладная психология. — 1999. № 4. С. 45–53.
- Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. № 3. Т. 22. С. 100—115.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003.
- Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010.
- Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание детей. Л. 1988.
- Каган В.Е. Воспитателю о сексологии. М., 1991.
- Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и “образ Я” у подростков // Вопросы психологии, 1987. № 4.
- Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2008.
- Карабухина И. А. Социальная адаптация российской семьи в современных социально-экономических условиях: Дис. ... канд. социол. наук. — Новочеркасск, 2007.— 163 с.
- Клецина И.С. (ред.) Гендерная психология. Практикум. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2009.
- Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учебное пособие/А.Г. Лидерс – М.: Академия, 2006.
- Малкина – Пых И.Г. Семейная терапия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 992 с.
- Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность: поиск, достижение и самореализация личности или очень личное о гендере // Человек. Сообщество. Управление., 2005, № 4. – с. 45 - 55
- Перегудина В.А. Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста : Автореф. дис. ... канд. психол. наук - Тула, 2011. – 28 с.
- Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 9 – 20.

- Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы. Учебное пособие для врачей и психологов / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Речь, 2010. – 425 с.
- Репина Т. А. Проблема полоролевой социализации детей / Т. А. Репина. Москва – Воронеж, 2004. - 300 с.
- Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника FAD на российской выборке: проверка психометрических характеристик и перспективы работы // Семейная психология и семейная терапия, 2013, № 2, С. 50 – 79.
- Сатир В. Психотерапия семьи. «Речь», Санкт-Петербург, 2000.
- Солдатова Г.У. Психологическая помощь мигрантам: теория и практика : травма, смена культуры, кризис идентичности – Москва : Смысл, 2002.
- Сыроковашина К.В., Дворянчиков Н.В. Гендерная идентичность у подростков с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. — № 1.— С. 222.
- Уорден М. Основы семейной психотерапии. 4-е межд. изд. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.
- Целуйко В.М. Психологические проблемы современной семьи / В.М. Целуйко. – Екатеринбург: У – Фактория, 2007. – 496 с.
- Черников А.В. Системная семейная терапия / Сб. Методы современной психотерапии. Учебное пособие // Составители Л.М. Кроль, Е.А. Пуртова, М.: Класс, 2001.
- Шихи Г. Возрастные кризисы. СПб, 1999.
- Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений, ЭКСМО-Пресс, 2000
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996.
- Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny // Journal of Pers. and Soc. Psychology. 1975. Vol. 31. P. 634—643.

Гендерные стереотипы как фактор семейных отношений в молодой семье

Тихомандрицкая О.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия
otihomandr @ mail.ru

Особенности становления, развития и дальнейшего существования молодой семьи во многом определяются складывающимися на этот момент отношениями между супругами. Однако как в отечественных, так и зарубежных работах подчеркивается, что в ходе адаптации супругов к браку, практически всегда возникают определенные сложности выстраивания семейных отношений. Успешность этих отношений зависит от множества различных факторов, в частности, социально – экономических и демографических характеристик семьи, характера общения и существующих эмоциональных отношений, особенностей восприятия супругами друг друга, уровня конфликтности супругов.

Особое значение для супружеских отношений на раннем этапе их развития имеют такие факторы, как распределение семейных ролей и, в целом, особенности поло-ролевой дифференциации в семье.

В исследованиях, связанных с изучением поло-ролевой структуры семьи, обычно выделяют две ее основные формы – традиционную и современную (эгалитарную). В традиционных семьях существует четкое и неизменное разделение мужской и женской роли. Главенствующей при этом, является система норм, обосновывающая такое распределение обязанностей между мужем и женой, где ведущая роль в принятии основных семейных решений и в распределении материальных ресурсов семьи, принадлежит мужу.

Эгалитарная семейная модель предполагает относительное равенство вкладов супругов во внешнюю деятельность, супруги так же в равной степени несут ответственность за выполнение функций в семье, они одинаково включены в

реализацию семейных ролей и обязанностей. Существующая в семье система норм, предполагает равенство мужа и жены, как в самой семье, так и вне ее [1].

Процесс возникновения ролевой структуры новой семьи является одной из сторон ее становления как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу и выработки стиля семейной жизни. Во множестве проведенных исследований было установлено, что для семей со стажем брака до трех лет больше, чем для других, характерны конфликты при распределении семейных ролей, а степень рассогласованности установок в этой сфере, в свою очередь, существенно влияет на дальнейшую успешность брака. Таким образом, встает вопрос о том, что именно может способствовать или же, наоборот, затруднять возникновение согласия в распределении семейных ролей между молодыми супругами.

Как известно, семейная роль, являясь одним из видов социальных ролей, представляет собой поведение индивида, занимающего позицию члена семьи, и определяется через понятия норм и ожиданий. При этом нормы и ожидания рассматриваются как консенсус, согласие между людьми о том, какое ролевое поведение является правильным или неправильным. Особое влияние на установление согласия между супругами в этом вопросе могут оказывать существующие у них гендерные стереотипы.

В соответствии с теорией социальных ролей Э. Игли гендерные стереотипы, в сущности, и являются *социальными нормами*, то есть правилами, определяющими поведение человека в обществе. В самом общем виде под гендерными стереотипами понимаются стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «маскулинность» и «феминность». Таким образом, представления людей о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы качеств и моделей поведения, являются нормами, нарушение которых влечет за собой социальное неприятие и неодобрение. [6].

С одной стороны, гендерные стереотипы являются наиболее эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей (в том числе и семейных), с другой стороны предполагается, что выработка самих гендерных стереотипов определяется существующими социальными ролями [6].

И.С. Кон пишет о том, что традиционная система дифференциации гендерных ролей в настоящее время претерпела изменения в сторону большей эгалитарности, что, в свою очередь, повлекло за собой «перемены и в культурных стереотипах маскулинности/фемининности, которые стали сегодня менее отчетливыми и полярными» [4, с. 48]. Это подтверждается, в частности, современными исследованиями, показывающими, что в стереотип женственности включается все больше маскулинных качеств, а в стереотип мужественности все больше фемининных. [5; 3].

Таким образом, происходит переход от жесткой гендерной типизации к нормам, допускающим более широкий «диапазон» личностных качеств и моделей поведения, которые могут быть присущи как женщинам, так и мужчинам. Данные изменения вызывают неопределенность или же множественность норм, регулирующих ролевые отношения в семье, что осложняет процесс становления поло-ролевой структуры молодой семьи, влияя тем самым на брачную адаптацию супругов.

Возникшая неопределенность гендерных норм, может выступать в качестве важнейшей характеристики современного состояния трансформации семейных ролей [2]. Отсутствие твердо установленных образцов ролевого поведения приводит каждую семью к необходимости выбора своего собственного способа ролевого взаимодействия. При этом, многие семьи, следуя современным гендерным тенденциям и, в том числе, гендерным стереотипам, ушли от традиционных способов нормативного регулирования брачно-семейных отношений, но пока что не смогли найти оптимальные способы регулирования своих собственных семейных отношений.

Кроме того, в процессе становления поло-ролевой дифференциации в семье усвоенные образцы распределения семейных ролей у супругов могут не совпадать в силу их возможного разнообразия. Следствием этого становятся, как межличностные, так и внутрличностные конфликты партнеров, затрудняющие становление и развитие семейных отношений.

Список литературы:

- 1) Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами// Семья и социальная структура. М., 1987.
- 2) Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. - М.: Едиториал УРСС, 2003.
- 3) Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004.
- 4) Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981, № 2. С. 43-57.
- 5) Diekman A.B, Eagly A.H. Stereotypes as Dynamic Constructs: Women and Men of the Past, Present, and Future // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 74.
- 6) Eagly A.H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987.

Гендерная идентичность и гендерные роли в современной семье в условиях глобальных тенденций развития общества

Украинка Л.И.

БГПУ имени Максима Танка, преподаватель факультета психологии, кафедры социальной и семейной психологии, г. Минск, Беларусь

l_ukrainka@yahoo.com

В современной сексологии и гендерной психологии едва ли найдется более сложная область исследований, чем вопросы пола, гендера, гендерной идентичности и

гендерных ролей. В данной статье проведена попытка анализа исторических научных подходов к гендеру и гендерным ролям в современной актуальной повседневности.

Именно в сфере определения, и понимания гендера происходят важные и самые значительные изменения в обществе, стимулируемые (что особенно важно) не научным сообществом "сверху", а "снизу" представителями ЛГБТ сообщества, или квир-персонами. Поэтому эта область изменений является так же предметом пристального изучения современной философии и социологии.

Эволюция человеческого сексуального развития шла по схеме "догендерный" или пред-гендерный этап, наполненный полиморфным эротизмом - "гендерный" - "трансгендерный" - "постгендерный" (андрогинный) этап [2,11].

Долгое время западная цивилизация существовала в бинарной системе гендерной идентичности (мужская и женская), все другие гендеры не просто маргинализируются, но репрессируются или полностью исключаются, отрицаются. Основной строй в мире последние 200 лет - патриархат, т.е. система правил социального взаимодействия полами, при котором женщины, и мужчины встроены в бинарную систему, где действует определённый регламент. Роли «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» предусматривают каноны для публичного и личного пространств, они являются основой, на которую накладываются иные роли — мужа, жены, отца, матери, работника, работницы.

И вот на современном этапе развития человечества, когда секс утратил исключительную функцию репродуктивности, природа отношений между полами и в целом в обществе меняется. Технические достижения медицины в области пластики тела и смены пола, а так же либерализация сексуальной активности на социальном, психологическом, психиатрическом и юридическом уровнях приводит к размыванию дихотомии половой идентификации, как нормативности, а за ней следует и трансформации гендерных ролей.

"Бинарная" гендерная парадигма перестает быть аксиомой человеческого бытия. На протяжении как минимум последних двухсот лет в рамках развития западного культурно-исторического типа систематической деконструкции подвергались традиционные архаичные нормы и способы социальной организации, основанной на

патриархальном по своей сути типе взаимоотношений людей в социальном процессе" (Ульянов, 2012) [2].

В начале XIX века существовала эссенциалистская модель формирования гендера, ей на смену в XX век пришла конструктивистская модель гендера, которая в XXI веке сменилась квир-теорией.

"Квир" не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишённая сущности, которая по определению расходится со всем нормальным, легитимным, господствующим. Это распространяется не только на гендер или сексуальность. "При этом любая идентичность может изобретаться или переформулироваться ее носителем, можно стать квир по выбору" (Кон 2003) [1].

Квир-представители хоть и являются маргинальными группами, однако из области девиантного поведения перемещается в область социально-приемлимого поведения и даже занимают лидирующие позиции в обществе, и, соответственно, становятся примером для подражания другим.

Актуальная повседневность современности ставит нас перед следующими фактами.

42-летняя Джен Мари Крок, (чемпион по боди-билдингу среди мужчин) у которой есть три сына, описывает себя как небинарный трансгендер, гендерфлюид, бигендер, феминная лесбиянка в мужском теле. Крок утверждает, что живет как представитель обоих полов и до сих пор не определилась, стоит ли ей совершать переход. Данное обстоятельство является весьма сложным и для нее самой. «Часто я чувствую себя так, словно два абсолютно разных человека живут в моем теле и ведут борьбу за контроль», — пишет она [8].

Известно, что в Непале, Индии, Австралии и Новой Зеландии власти разрешают гражданам указывать свой пол в документах, как не относящийся ни к мужскому, ни к женскому. В 2015 в Непале выдан первый паспорт гражданина, в котором в графе пол указан "другой" [10].

В современной западной психиатрии (DSM-V) в 2013 г. упразднено понятие "нарушения гендерной идентичности", оно заменено на понятие "гендерной дисфории",

в котором подчеркивается скорее гендерная неконгруэнтность, чем вопрос собственно идентификации [5,6].

В 2014 г. представитель квир-сообщества выигрывает песенный конкурс песни Евровидение-2014. Томас Нойвирт (нем. *Thomas «Tom» Neuwirth*), более известный под женским альтер-эго Кончита Вурст (нем. *Conchita Wurst*) [10].

Целью постгендерного общества является не равенство гендеров, но толерантность к разнообразию гендерных идентичностей и ролей. Представители квир-сообщества заявляют о существовании на данный момент около 22-ух типов гендеров.

Современное западное общество движется в сторону гендерной нейтральности, в некоторых странах появились слова, обозначающие гендерно-нейтральное обращение к человеку.

Движение трансгуманизма (Термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957 г.), которое настаивает на необходимости для человека выйти за пределы биологической детерминации, набирает обороты [11].

"В известном смысле это возврат к догендерной мифологической нерасчлененности «оно»-сознания, полиморфному эротизму и синкретизму древнейших этапов развития человека. Возникает вопрос: почему происходит эволюция от предгендера к гендеру, трансгендеру и к постгендеру? В этой эволюции просматривается настойчивое желание человека освободиться от собственной природы как определенности, «бытийности», именно в силу ограниченного характера последней" (Ульянов, 2012) [2].

В современном обществе изменяется так же и структура семьи, наравне с нормативной гетеросексуальной семьей существуют гомосексуальные семьи, а так же квир-семьи.

Все больше стран признают браки между геями и уже 10% всего населения планеты живут на территории стран, признающих однополые браки. Число жителей планеты, проживающих в странах с однополыми браками 929000, что приближается к миллиарду [7].

Все чаще образуются семьи, в которых родителей больше, чем два человека, и, даже больше 3-х. Классической стала ситуация из 3-х родителей в ситуации обращения

пары в центры зачатия ЭКО с услугами суррогатной матери, которая так же имеет права на ребенка. Сообщество родителей из 5ти человек уже не научная фантастика, а факт. Так в 2015г в Нидерландах юридически признано родителями 5 человек у одного малыша. В данном "сообществе родителей" есть 2 гей-пары и 1 друга семьи [9].

Американский антрополог Кейт Вестон в своей книге *Families We Choose* использовала термин «выбираемая семья» (Weston 1991) для отношений, в которых «кровная» или биологическая/генетическая связь не является единственно важной основой. Австралийская исследовательница Амарилл Перлеш отмечает, что в понятие «семья» гомосексуальными респондентами включаются мамы-лесбиянки (биологические и социальные), бабушки, доноры, отцы и дети [3].

Тема, касающаяся воспитания детей в однополой семье, является одной из проблемных. Повлияет ли воспитание родителями-геями на формирование гендерной идентичности и сексуальной ориентации ребенка.

В 2002 году Американская академия педиатрии, которую поддержала Американская психиатрическая ассоциация, опубликовала доклад, одобряющий усыновление и удочерение детей семьями, где оба партнера одного пола. По заключению академии, такие семьи способны обеспечить детям мирное, здоровое и эмоционально стабильное детство. К подобным выводам также пришли Американская психологическая ассоциация и Американская медицинская ассоциация [3].

Американская психологическая ассоциация, Американская психиатрическая ассоциация, Национальная Ассоциация Социальных Работников в 2006 году заявили: "В настоящее время не существует научного консенсуса в отношении специфических факторов, которые являются причиной становления индивидуумов гетеросексуальными, гомосексуальными или бисексуальными, включая возможные биологические, психологические или социальные факторы сексуальной ориентации родителей. Однако, имеются свидетельства, указывающие, что подавляющее большинство взрослых лесбиянок и геев были воспитаны гетеросексуальными родителями, и подавляющее большинство детей, воспитанных родителями геями и лесбиянками, вырастая, являются гетеросексуальными" [4].

Все описанные изменения в области гендера рассматриваются в данной статье на примерах из западного общества. В российском обществе маятник от либеральности в отношении к квир-сообществу качнулся в сторону патриархатной бинарной системы воспитания, на что указывают новый юридический закон 2013г., запрещающий пропаганду гомосексуализма, но законы глобализация информации ставят под сомнение длительность этой тенденции, и можно предположить, что довольно скоро маятник качнется снова в сторону либерализации.

Следует отметить, что в Республике Беларусь нет высокого напряжения в области по проблеме гей- или квириденитичных людей и ролей. В стране не принимался закон против гейпропаганды. Государство по-прежнему оплачивает расходы на операции по смене пола. В стране действуют общественные организации, поддерживающие гей и квинрпредставителей. и даже постоянно совершаются каминг-ауты людей "других" идентичностей: геев, лесбиянок и асексуалов. Известный в социальных сетях эксперимент со съемками скрытой камерой двух мужчин, прогуливающихся по улицам города взявшись за руки, продемонстрировал толерантное к ним отношение минчан [13]. В целом можно сказать, что белорусское современное общество более лояльно к квинр-идентичным людям, чем российское, но менее толерантное, чем западно-европейское.

Данная статья - это попытка гендерно- и политически нейтрально осмыслить происходящие обществе изменения. И хотя системных научных исследований недостаточно, опираясь на имеющиеся данные, можно сформулировать следующие тенденции в современной гендерной психологии:

1. Постмодернизм и квинр-теория существенно изменили проверенную теорию гендерной идентичности.
2. На данном этапе развития общества трансформируются не только гендерные роли, трансформируется понятия гендер и гендерная идентичность,
3. Трансформируется конструкт семьи как социальной системы.
4. В современном мире появляются новые типы семьи: выбираемые семьи, семьи, состоящие из группы солидарных лиц.
5. Хотя в современной русскоязычной среде сохраняется патриархатный дихотомичный подход к гендерной идентичности и жесткое

конструирование гендерных ролей в семье, психологу необходимо знать и учитывать в работе общемировые тенденции гендерной психологии.

6. Необходимы длительные исследования трансформации гендерных ролей в семье и их влияния на детей, воспитанных в таких семьях.

7. В практике консультативной помощи отдельному человеку или семье психологам необходимо учитывать изменяющиеся представления о гендерной идентичности и гендерных ролях в современной семье.

8. От психолога требуется понимание особенностей вопроса трансформации гендера и гендерных при работе с предрассудками, страхами, тревогой, установками и убеждениями.

Список литературы

1. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. — М.: Олимп, АСТ, 2003.
2. Ульянов В.А. Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности. Вестник ВГУ. Серия: Философия № 2, 2012.
3. Жабенко А. Современные репродуктивные выборы в лесбийской семье в России. Из сборника "На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей / ред.-сост. А. А. Кондаков". — СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. —XXII с., 466 с.
4. http://www.courtinfo.ca.gov/courts/supreme/highprofile/documents/Amer_Psychological_Assn_Amicus_Curiae_Brief.pdf
5. DSM-IV-TR Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. Washington, DC, 2000. 955 p.
6. DSM-V-TR Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. Washington, DC, 2013. 947 p.
7. <http://www.gaystarnews.com/article/earth-could-now-be-one-country-short-of-a-billion-living-under-marriage-equality/>

8. <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-3179101/World-champion-bodybuilder-former-Marine-reveals-Instagram-s-transgender-living-man-woman.html>
9. <http://www.vice.com/read/a-child-in-the-netherlands-is-going-to-have-five-parents-876>
10. <http://makeout.by/2015/08/10/v-nepale-izgotovlen-pervyyu-pasport-dlya-cheloveka-tretego-pola.html>
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0_%D0%92%D1%83%D1%80%D1%81%D1%82
12. Postgenderism : beyond the Gender Binary / George Dvorsky and James Hughes PhD, Institute for Ethics and Emerging Technologies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieet.org/archive/IEET-03-PostGender.pdf>.
13. <http://makeout.by/2015/08/31/gse-belarus.html>

**Взаимосвязь уровня субъективного контроля в семейных отношениях
и психологического пола у мужчин с гомосексуальной ориентацией**

Шаехов З.Д.

г. Казань, Россия

shaehovzd@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты пилотного исследования субъективного контроля в семейных отношениях и психологический пол гомосексуалов, а также их взаимосвязь.

Ключевые слова: субъективный контроль, семейные отношения, психологический пол, гомосексуальная ориентация.

Актуальность. В современном мире происходит множество социальных изменений. Одним из них является институт семьи. В институте семьи происходят большие изменения. Изменяются ценности, установки, представления о семье, появляются различные виды семей. Представителям нетрадиционной сексуальной ориентации для дальнейшего построения взаимоотношений с родителями является важным «выход из чулана». Многие люди с нетрадиционными ориентациями рассказывают о своей сексуальной ориентации родителям, которые в большинстве случаев принимают их такими, какими они есть. Это показывает, что в нашей стране повышается уровень толерантности к инакомыслящим личностям. Также наблюдается рост научных исследований по проблемам нетрадиционной сексуальной ориентации. На сегодняшний день многие исследователи изучают мужчин с гомосексуальной ориентацией (И.С. Кон, Воронцов Д.В., Мелков С.В., Григорьева М.В., Наумов О.Д. и Круглова И.Н., Муртазина С.Р.).

В современном мире на семью возлагается большая ответственность, как на малую группу влияющие на те или иные стороны социального развития личности. Одним из них, по нашему мнению, является уровень субъективного контроля в семейных отношениях, когда личность возлагает на себя ответственность за то, что происходит в семейных отношениях.

Впервые о локусе контроля и методах исследования заговорили в 60-ые годы в США. Наиболее известными стали работы Дж. Роттера. Дж. Роттер обосновал два принципиальных положения: первое из них – локализация локуса контроля, в котором проявляется дихотомия – экстернальный и интернальный полюса локализации; второе, локус контроля универсален, то есть проявляется в любых типах событий и ситуаций, с которыми приходится человеку сталкиваться в процессе взаимодействия (Е.Ф. Бажин и др., 1984).

В русской психологии работы Дж. Роттера были модифицированы Е.Ф. Бажиным, С.А. Голынкиной и А.М. Эткингом. В ходе модификации теории и методики Дж. Роттера данные авторы переформулировали и добавили утверждения в шкалы интернальности семейных отношений, межличностных отношений, в отношениях к неудачам, к болезни (Е.Ф. Бажин и др., 1984).

Другой аспект развития социального развития личности – это психологический пол личности. Психологический пол формируется в процессе развития онтогенеза. Этот процесс происходит под влиянием этнокультурных традиций семейного воспитания, личностными особенностями ближайшего окружения, и в результате интериоризации половой роли мужчин и женщин. В конечном итоге, психологический пол зрелого человека включает в себя половое самосознание как осознание и принятие своей половой принадлежности; определенную половую идентичность как результат усвоения социокультурных и психологических особенностей; социополовые ориентации как интериоризованную систему половых ролей, путем которой личность различает критерии «мужеского» и «женского», оценивает себя по данным критериям (О.Г. Лопухова, 2000).

Таким образом, данный феномен на сегодняшний день понимается в психологии как «системное качество, обусловленное биологически заданной половой принадлежностью индивида, этнокультурными традициями воспитания, структурой социально-значимой деятельности и полоролевыми нормами общества, определяющее индивидуальные характеристики, особенности поведения, способы действия, социальные позиции и установки, иерархию мотивационных линий личности» (О.Г. Лопухова, 2000).

На современном этапе развития психологии выделяют четыре типа психологического пола: маскулинный, феминный, андрогинный, недифференцированный. Маскулинный тип психологического пола понимается как индивидуальная особенность поведения. В иерархии основных жизненных ценностей проявляются характеристики мужской половой роли в социуме. Феминный тип психологического пола – понимается как индивидуальная особенность поведения. В иерархии основных жизненных ценностей проявляются характеристики женской половой роли в обществе. Андрогинный тип психологического пола предполагает обладание качествами феминного и маскулинного психологического пола, при нормальной половой идентичности и самосознания. Недифференцированный тип психологического пола находится в маргинальном состоянии, у которого нет отчетливых черт личности и типа поведения маскулинности и феминности (О.Г. Лопухова, 2000, О.Г. Лопухова, 2013).

Методы исследования. Анкетирование. В анкетирование включены вопросы о сексуальной ориентации, субъективное мнение об отношении с родителями, и о реакции родителей на «coming out» («выход из чулана»).

Для выявления субъективного контроля в семейных отношениях использовалась шкала «интернальности в семейных отношениях» методики «Уровня субъективного контроля Дж. Роттера» в модификации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинда, которая содержит в себе 10 вопросов.

Психологической пол у мужчин с гомосексуальной ориентацией выявлялся с помощью методики «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О.Г. Лопуховой. Данная методика в себя включает 27 вопросов.

Взаимосвязь определялась с помощью точечного бисериального коэффициента Пирсона.

Результаты исследования. В исследовании принимали участие 30 мужчин с гомосексуальной ориентацией. Возраст составляет от 18 до 55 лет.

В ходе анкетирования были получены следующие данные:

- На вопрос: знают ли Ваши родители о Вашей сексуальной ориентации: 40% респондентов выбрали ответ о том, что они не скрывают от родителей своего сексуальную ориентацию; у 26,6% респондентов родители об этом узнали случайно; 10% респондентов ответили, что им кажется, их родители догадываются, если спросят, готовы открыться; по мнению 6,6% респондентов ответили, что им кажется, родители догадываются, но они тщательно скрывают свою сексуальную ориентацию от родителей; тщательно скрывают о своей сексуальной ориентаций 16,7% тестируемых;

- На вопрос об оценке отношения к ним со стороны родителей респонденты ответили, что к ним относятся положительно 56,6% тестируемых, 33,33% тестируемых ответили, что к ним относятся нейтрально, и лишь 10% тестируемых ответили, что к ним относятся негативно (родители стараются с ними не общаться, агрессивно отвечают на вопросы, а порой даже не приглашают на семейные праздники).

Как видно из анкетирования мужчинам с гомосексуальной ориентацией в большинстве семьях относятся положительно, принимают их особенности, и отношения

с родителями позитивно. Однако остаются те родители, которые не могут принять сексуальную ориентацию своих детей.

В результате диагностирования уровня субъективного контроля в семейных отношениях были получены следующие результаты: для 23,3% диагностируемых уровень субъективного контроля находится на низком уровне, то есть опрошенные считают не себя, а своих родителей, близких родственников причиной значимых конфликтных ситуаций, возникающих в их семье; у 20% респондентов выявлен средний уровень субъективного контроля в семейных отношениях (5 стень), для них характерно в одних случаях считать себя причиной конфликтов и ссор в семье, а в других ситуациях могут и обвинять окружающих; большинство испытуемых считают себя ответственными за события, происходящие в их семье (56,7%).

В ходе исследования психологического пола было обнаружено у 66,66% диагностируемых андрогинный психологический тип; феминный и маскулинный типы были диагностированы у 26,6% испытуемых (13,3% и 13,3%).

В ходе исследования взаимосвязи между уровнем субъективного контроля в семейных отношениях и психологического пола не были обнаружены значимые взаимосвязи, так как результаты колеблются от 0,5 до 0,74, и не имеют достоверных уровней значимости.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что уровень субъективного контроля высокий в семейных отношениях для большинства испытуемых. Психологический пол для большинства андрогинный, и он наиболее адаптивный для жизни в социуме. Согласованные изменения между уровнем субъективного контроля и психологическим полом отсутствуют.

Список литературы

Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. – 1984. Том 5. – №3. – С. 152 – 161.

Лопухова О.Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности (российский аналог «Вem sex role inventory» // Вопросы психологии. №1. 2013 , С. 147-154.

Лопухова О.Г. Психологический пол личности в современных социальных условиях // Дис. ... канд. психол. наук, 2000., 162 с.

Круглый стол: Роль семьи в генезисе и профилактике девиантного поведения детей и подростков

Опыт Кемеровской области по сопровождению несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом

Ананьева Е.В.

ГОО «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», г. Кемерово, Россия.

орус@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен опыт Кемеровской области по сопровождению несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом. Описана модель социально-психологического сопровождения несовершеннолетних в процессе уголовного судопроизводства, включающая технологию сопровождения, алгоритм взаимодействия психолога с судебными-правоохранительными органами.

Ключевые слова: служба педагогов-психологов, участвующих в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие, предварительное следствие, судебное следствие.